

СИНОНИМИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

А. Лексика и синтаксис

§ 64. ПРОБЛЕМА СИНОНИМИИ В СТИЛИСТИКЕ

Эту книгу мы начали с утверждения, что стиль начинается там, где есть выбор. На выборе основывается и понятие стилистического значения. Применительно к языку выбор — это синонимия; если бы в естественных языках не было синонимов, то не было бы ни стилистических значений, ни стиля.

С другой стороны, мы неоднократно упоминали о том, что стилистически значимый выбор — это не только выбор слова, что стилистическое значение может иметь единица любого уровня языка (см., в частности, § 22). Из этого следует, что стилистику должна интересовать не только лексическая синонимия, но вообще все возможности выбора, которые язык предоставляет говорящему. Но если лексическая синонимия изучена довольно основательно, то синонимия иных уровней привлекала исследователей гораздо меньше, по крайней мере до последнего времени.

Кроме того, сама точка зрения стилистики на проблему синонимии существенно отличается от точки зрения других лингвистических дисциплин. Так, например, в определении лексической синонимии и традиционная лексикология, и современные семантические исследования идут от слов, а не от значений; для лексикологии синонимия — это полное или (чаще) частичное совпадение значений двух или нескольких слов как единиц словаря. Стилистику же интересуют реальные возможности выбора, которые язык предоставляет говорящему для выражения мысли; ее интересует не большая или меньшая близость словарных значений двух или нескольких слов, а то, какими словами можно выразить данное понятие в данном типовом контексте. Мы видели (§ 43), что стилистическое значение реализуется при использовании данного выражения в *данном* денотативном значении, а если выражение употреблено в каком-то ином смысле, то и его стилистическое значение меняется или, по крайней мере, может измениться. Это значит, что мы не можем приписать постоянного стилистического значения слову, взятому во всей совокупности его лексических значений.

Более того, даже условившись, в каком денотативном значении мы рассматриваем данное выражение, мы, строго говоря,

еще не вправе судить о его стилистическом значении: ведь последнее возникает в результате выбора выражения из ряда денотативно равнозначных, а возможность выбора того или иного выражения, их потенциальная взаимозаменяемость в данном контексте (вне зависимости от стилистической взаимозаменяемости) определяется не только их денотативной равнозначностью, но и их сочетаемостью с другими словами. Даже денотативно равнозначные выражения могут и не выступать как реальные варианты выбора в определенном контексте, если они имеют различную сочетаемость. Так, русские глаголы «подвергать» и «предавать» (кого-либо чему-либо) денотативно взаимозаменяемы в контексте 'подвергнуть / предать кого-л. пыткам и т. п.' (ср. франц.: *mettre / livrer qn au supplice*), и выбор того или другого порождает стилистическое значение («предавать пыткам» стилистически возвышеннее и архаичнее, чем «подвергать пыткам»); но в других сочетаниях, реализующих то же денотативное значение, взаимозаменяемости нет: говорят «подвергать критике» и «предавать проклятью», но не «предавать критике» и «подвергать проклятью» (ср. франц.: *soumettre à la critique*, но не *livrer à la critique*).

Известный французский лингвист Жюль Марузо писал по этому поводу: «В силу привычки, для удобства или под влиянием авторитетных источников, язык создает такие словосочетания, в которых один из элементов, сочетаясь с другим, представленным в языке несколькими вариантами, притягивает к себе какой-то один, решительно предпочитая его другому или другим. Так, желая выразить одно и то же понятие «камень», мы употребим в следующих контекстах три различных слова: *un grand rocher* (большая скала), *en plein roc* (из цельного камня), *la roche affleure* (коренная порода выходит на поверхность)»¹.

Здесь идет речь о большей или меньшей степени фразеологической связанности, которая ограничивает сочетаемость слова и тем самым сокращает выбор. Но к такому же результату могут привести и ограничения в грамматической сочетаемости. Так, например, французский глагол *acquiescer* ('соглашаться') — словарный синоним *consentir*, *accepter*, *vouloir bien* и т. д. — не употребляется с инфинитивным дополнением и, следовательно, не образует реального варианта выбора в ряду *consentir à + infinitif*, *accepter de + infinitif*, *vouloir bien + infinitif*. Зато в сочетании с субстантивным дополнением не употребляется *vouloir bien*, и ряд денотативно равнозначных выражений здесь уже иной: *acquiescer à qch*, *consentir à qch*, *accepter qch*.

С другой стороны, в качестве реальных вариантов выбора в определенных контекстах могут выступать единицы разной структуры и (или) разных уровней (например, слова и слово-

¹ *Marouzeau J.* Notre langue. Enquêtes et créations philologiques.— Р., 1955; цит. по: *Тархова В. А.* Хрестоматия по лексикологии французского языка.— Л.: Просвещение, 1972.— С. 175.

сочетания), в обычных синонимических словарях друг с другом не соотнесенные. Так, в пьесе А. Салакру «Ночи гнева» один из персонажей, боец Сопротивления, приговоренный к смерти, говорит об одной своей знакомой: «Sûr qu'elle aura du chagrin quand elle saura». Можно представить себе следующий ряд выражений, денотативно эквивалентных подчеркнутому: elle aura du chagrin = elle aura de la peine = cela lui fera de la peine = elle sera chagrinée = elle sera attristée и т. п. Между тем, оставаясь в пределах чисто лексической, словарной синонимии, мы эти выражения не построим; так, извлечь их из синонимического словаря Бенака было бы совершенно невозможно. За пределы чисто лексической синонимии выводит нас и такой ряд: «предавать пыткам = подвергать пыткам = пытаться» (знаки равенства символизируют только денотативную эквивалентность); или J'accepte. = Je veux bien. = Je ne dis pas non. = Ce n'est pas de refus. = D'accord! (ср. русск.: «Принимаю. = Согласен. = Не откажусь. = Идет!»); или еще: 400 francs me suffiront = Avec 400 francs j'arriverai.

Из всего сказанного в этом параграфе делаем три вывода:

1. Говорить о стилистическом значении той или иной лексической единицы вообще методологически неправильно; устанавливая варианты выбора на предмет выявления их стилистических характеристик, следует оперировать не изолированными словами в их исходных, словарных формах, а взаимозаменяемыми в контексте **дистрибутивными блоками** (типа consentir à + infinitif = accepter de + infinitif = vouloir bien + infinitif). Сопоставляя друг с другом синонимы тоуигг, мы молчаливо исходили из единой для всех дистрибутивной формулы S + V, где S — обязательно человеческое существо.

Такой подход к лексической синонимии вполне согласуется с тем, который предложил В. А. Звегинцев: «ее [синонимии] нельзя мыслить как сопоставление двух изолированных слов. Так называемые синонимы, как таковые, являются лишь членами типовых словосочетаний. Сами же типовые словосочетания, конечно, не представляют собой развернутых предложений или фраз. Это минимальные дистрибуционные модели, позволяющие выявить наличие (или отсутствие) тождества сочетаемости»¹ (с нашей точки зрения, лучше было бы сказать не «тождество сочетаемости», а «частичное совпадение или пересечение сочетаемостей»).

2. Стилистика должна рассматривать в качестве реальных единиц выбора, порождающего стилистическое значение, не только денотативно равнозначные лексические единицы в составе взаимозаменяемых дистрибутивных блоков, но и более сложные по структуре выражения, связанные между собой регулярными отношениями денотативной эквивалентности (типа avoir du chagrin =

¹ Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. — М.: Прогресс, 1968. — С. 137.

être chagriné; «подвергать пыткам + пытаться»; «создать что-либо = быть создателем чего-либо»; accepter = ne pas refuser и т. п.). Иными словами, современная стилистика, сохраняя свой объект и свои методы, должна в значительной мере опираться на так называемую теорию перифразирования или теорию равнозначных преобразований, разрабатываемую Ю. Д. Апресяном и др.¹ К этой чрезвычайно важной для нас проблеме мы еще вернемся.

3. Для того чтобы справиться со своими собственными задачами, стилистика того или иного языка должна предварительно выявить и описать типовые возможности выбора, которые данный язык предоставляет говорящим и пишущим на нем, т. е. наиболее распространенные типы рядов денотативно равнозначных единиц различных уровней. В этом и заключается непосредственная задача настоящей главы.

§ 65. МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Но если стилистическое значение возникает только при использовании данного выражения в данном денотативном значении, т. е. фактически в речи; если, кроме того, приписать стилистическое значение языковой единице безотносительно к контексту мы, строго говоря, не имеем права; если, наконец, в качестве вариантов выбора могут выступать не только словарные единицы, но и целые словосочетания, а то и предложения, — можно ли после всего этого говорить о языковом стилистическом значении и вообще о стилистике языка?

В такой же степени, в какой мы можем говорить о языковом значении вообще. Ведь описание денотативного значения слова в толковом словаре тоже отражает и полисемию, и сочетаемость, т. е. типовые контексты, в которых это слово фигурирует в речи. То, в каких значениях может употребляться данное слово и с какими словами оно может сочетаться, — это ведь тоже факты языка! Человек, владеющий французским языком знает (или, если угодно, чувствует), что consentir «требуется» перед инфинитивом предлога à, а его синоним accepter — de; человек, владеющий русским языком, не скажет «Его предали острой критике» — и тот, и другой умеют «соединять слова друг с другом идиоматично, т. е. в соответствии со сложившимися в данном языке и подчас трудно мотивируемыми нормами синтаксической, семантической и лексической сочетаемости»².

¹ Пожалуй, наиболее прямое отношение к нашей проблематике имеет книга Ю. Д. Апресяна «Лексическая семантика. Синонимические средства языка» (М.: Наука, 1974). Большую ценность в этом смысле представляют для нас также работы В. Г. Гака, построенные к тому же в значительной мере на французском материале (см. библиографию).

² Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — С. 11.

Таким же неперенным условием полного владения языком является способность «устанавливать различные семантические отношения между высказываниями, в частности... отношения синонимии, ср.: «Нет на свете дела более трудного, чем составление словаря = Составление словаря — самое трудное дело на свете»¹. Конечно, сами по себе эти предложения, которыми Ю. Д. Апресян иллюстрирует свою мысль, принадлежат речи, а не языку (как и всякие реальные предложения), но их денотативная эквивалентность — не случайное совпадение, целиком зависящее от употребленных в них слов, т. е. не факт речи, а проявление некоторой *закономерности языка*, которой подчиняются не только эти два предложения, а, надо думать, все русские предложения аналогичной структуры. Эту закономерность можно выразить следующей формулой: $N_1 + (\text{есть}) + \text{Adj}_{\text{superl.}} + N_2 = \text{Нет} + N_2 + \text{Adj}_{\text{compar.}} + \text{чем } N_1$, где N_2 обозначает родовое понятие, включающее в себя N_1 (Маша — самая красивая девушка на курсе = Нет на курсе девушки красивее, чем Маша; Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте = Повесть о Ромео и Джульетте — самая печальная повесть на свете).

Языковые закономерности проявляются и в равенствах типа *elle aura de la peine = elle sera peinée; accepter = ne pas refuser* и т. п. В большинстве таких случаев мы имеем дело с *языковой синонимией*, но на разных уровнях, и те стилистические значения, которые потенциально сопряжены с выбором того или другого из вариантов, тоже могут и должны рассматриваться как языковые.

Конечно, при их реализации в речи, т. е. при переходе языковых, внеконтекстных стилистических значений (*valeurs*) в контекстуальные (*effets*), вполне возможны какие-то сдвиги (см. выше, § 20). Однако в этом отношении стилистические (коннотативные) значения принципиально не отличаются от денотативных — ведь последние тоже могут переосмысливаться в речи.

Как уже было сказано, языковые стилистические значения *потенциальны*, как и все в языке; приписывая тому или иному выражению то или иное стилистическое значение, мы формулируем, по существу, условное суждение, прогноз: если данное выражение употребить в данном узуальном денотативном значении и в таком-то типичном для него окружении, то его коннотативное значение скорее всего будет таким-то. И, обусловленное узуальным, обычным употреблением данного выражения, зафиксированным в словарях или грамматиках, стилистическое значение этого выражения тоже узуально, тоже принадлежит языку.

Теперь мы можем вернуться к проблеме синонимии.

Основное, что здесь нужно иметь в виду, было сказано в § 64: строя синонимический ряд на предмет выявления стилистического значения каждого из его членов, нужно брать не изолированные слова в исходных словарных формах и в полном объеме их словарных значений, а взаимозаменяемые с точки зрения какого-то определенного денотативного значения и грамматического контекста дистрибутивные блоки. Иначе говоря, надо идти не от слова, а от понятия, которое надлежит выразить.

Но последовательное применение этого принципа приводит к важным выводам. Покажем это на примере. Допустим, нам нужно выразить по-французски довольно простую мысль: N совершенно изменился, что называется переродился. Русско-французский словарь даст нам в качестве эквивалента последнего выражения глагол *se transfigurer*: (1) N s'est transfiguré. Очевидно, можно сказать и (2) N s'est métamorphosé, а также (3) N s'est transformé. Этим, однако, возможности французского языка отнюдь не исчерпываются: можно сказать (4) N a beaucoup changé, (5) N est devenu un autre homme, (6) N n'est plus le même, (7) N est devenu reconnaissable, (8) N, on ne le reconnaît plus (или tu ne le reconnaîtrais plus), (9) N a subi une véritable métamorphose и, наконец, (10) N a fait peau neuve. По-видимому, можно было бы придумать (или обнаружить в текстах) еще какие-то способы выразить ту же идею, но для простоты мы ограничимся найденными десятью вариантами.

Первое, что можно констатировать, глядя на этот список, это то, что между вариантами есть реальные стилистические различия. С точки зрения социально-жанровой окраски первые два, а также предпоследний (9) — типично «книжные»; третий — тоже, но в меньшей степени; десятый может быть охарактеризован как слегка фамильярный, а остальные — как нейтральные. С точки зрения эмоциональной окраски варианты третий, четвертый и шестой скорее всего нейтральны, а остальные потенциально аффективны, хотя оценки, положительной или отрицательной, ни один из них не несет, за исключением, может быть, последнего, который скорее всего будет употреблен с оттенком неодобрения¹. Кроме того, этот вариант обладает еще одной особенностью: в нем есть *остаточная образность*, придающая ему некоторую добавочную экспрессивность (подробнее об этом см. § 50).

Второе, на что надо обратить внимание, это уже отмеченная нами в § 64 структурная неоднородность ряда. Для того чтобы составить список реальных вариантов выбора, нам пришлось вый-

¹ Неуверенность, с которой мы судим об эмоциональной окраске каждого из вариантов, объясняется тем, что речь здесь идет о языковых стилистических значениях, которые, как уже было отмечено, потенциальны. Эмоциональная окраска каждого из этих выражений как компонент контекстуального стилистического значения зависит в первую очередь от того, насколько в самом деле изменился N (подробнее об этом см. ниже, § 102).

¹ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — С. 12.

ти за пределы традиционного синонимического ряда, объединяющего, как правило, единицы одного грамматического класса, и включить в него выражения различной структуры: наряду с простыми глаголами (вар. 1, 2, 3), мы находим здесь глагол с усиливающим наречием (вар. 4), сочетание существительного, охарактеризованного прилагательным, с полувспомогательным глаголом (5), сочетания прилагательного с вспомогательным или полувспомогательным глаголом, в утвердительной или в отрицательной форме (6, 7), полнзначный переходный глагол с прямым дополнением, выраженным существительным с прилагательным (9), глагольный фразеологизм (10) и, наконец, выражение, в котором грамматическим субъектом является не предмет речи N, а собеседник или некое обобщенное лицо (8).

Наконец, третье свойство построенного нами ряда заключается в том, что полной, «стопроцентной» денотативной (точнее — сигнификативной) эквивалентности между всеми его членами нет: варианты 3, 4 и 6 явно *слабее*, чем остальные, т. е. предполагают меньшую степень изменения N, а вариант 8 представляет событие не само по себе, а через те последствия, которые оно имеет для других людей (то, что N не узнаешь, — последствие его изменения). Однако сопоставлять все эти варианты с точки зрения их стилистического значения не только можно, но и необходимо.

Из сказанного делаем три вывода.

1. Понятие лексической синонимии необходимо расширить; в частности, в ряды слов, которые мы определяем как денотативно равнозначные, можно и нужно вводить выражения более сложной структуры — устойчивые или свободные словосочетания, выражающие предметно-логическое значение, общее для ряда. Из этого следует, между прочим, что в каких-то случаях в качестве члена синонимического ряда может выступать словарное толкование (например, *loucher sur* = *lorgner* = *guigner* = *regarder avec envie*), а фразеологизмы, не имеющие однословных эквивалентов, должны сопоставляться со свободными, аналитическими словосочетаниями, образуя ряды, скажем, такого типа: N *n'en est pas à son premier Z* = *Ce n'est pas la première fois que N fait Z*, (*L'Etat n'en est pas à son premier cadeau aux firmes privées.* = *Ce n'est pas la première fois que l'Etat fait un cadeau aux firmes privées.*) или *ne l'avoir pas volé* = *l'avoir bien mérité*.

2. Поскольку реальными единицами выбора при порождении речи выступают не только лексические единицы (слова и фразеологизмы), но и выражения более сложной структуры (ср.: N *est devenu méconnaissable* = *On ne reconnaît plus N*), необходимо описать хотя бы самые типичные и регулярно возникающие отношения эквивалентности, связывающие такие выражения, т. е. выявить синонимические ряды на уровне не отдельных лексических единиц, а некоторых типовых словосочетаний, именуемых в лингвистике **предикатными выражениями**. Этим мы займемся в параграфах 68—72.

3. Устанавливая синонимический ряд на предмет выявления стилистических значений его членов, мы можем пренебречь некоторыми чисто семантическими расхождениями. Это положение тоже заслуживает более тщательного разбора — посвятим ему отдельный параграф.

§ 67. О СЕМАНТИЧЕСКИХ РАСХОЖДЕНИЯХ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА

Как показывает приведенный выше пример, в один и тот же синонимический ряд допустимо включать выражения, различающиеся по *интенсивности* обозначаемого понятия (ср.: X *a beaucoup changé* и X *est devenu un autre homme*). В дальнейшем мы увидим, что **преувеличение** (гипербола) и **преуменьшение** (литота) суть стилистические средства, отражающие в первую очередь эмоциональное отношение субъекта речи к сообщаемому факту.

Можно также рассматривать как условно эквивалентные выражения, обозначающие **видовые** и **родовые** понятия (например, *cheval* и *bête*, *pistolet* и *arme*, *amour* и *sentiment*), при допущении, что контекст и (или) ситуация обеспечивают соотнесение родового слова с денотатом. Так, например, в одном газетном сообщении о полете американских астронавтов было написано: «*Ils ont demandé en plaisantant que le navire soit à la bonne place quand ils arriveraient.*» (*Humanité*) Корабль, о котором идет речь, — это авианосец «Хорнет». Ясно, что в этом контексте вместо *le navire* можно было бы сказать *le bateau* (слово более общего значения), *le porte-avion* (слово более частного, видового значения), *le Hornet* (имя собственное, отсылающее к единичному предмету) и, наконец, *le porte-avion «Hornet»*, — разница между этими вариантами была бы прежде всего стилистической, поскольку различия в предметно-логических значениях в подобном контексте нейтрализуются.¹ Так, последний вариант наиболее официальный, а первый (*le bateau*) — наиболее простой, непринужденный (в этом контексте, естественно).

Впрочем, контекстуальное стилистическое значение этого способа номинации может быть различным — употребление самого общего по значению родового слова может свидетельствовать как о полном незнакомстве субъекта речи с предметом (он говорит *bateau* потому, что не знает и не способен определить, к какому виду относится это судно), так и о непосредственной причастности говорящего к предмету (он говорит *bateau* потому, что и так ясно, о каком судне идет речь). Иначе говоря, употребление родового термина вместо видового может характеризовать как профана, так и специалиста. А кроме этого, многое зависит от того; шла ли уже раньше речь об этом предмете. Как показал

¹ Гак В. Г. Сопоставительная лексикология, С. 143—144.

В. Г. Гак¹, замена видového термина родовым при повторной номинации предмета — общая тенденция французского литературного языка: родовый термин употребляется в таких случаях как своего рода местоимение.

Логически продолжив эту мысль, следует придти к выводу, что любой синонимический ряд, все члены которого обозначают предмет, лицо или субстанцию, должен включать и соответствующие местоимения. Как мы покажем ниже, в определенных контекстах разница между такими вариантами номинации лица, как *elle* и *Mme Dupont*, т. е. местоимением и личным именем, — разница стилистическая: местоимение, особенно при первичной номинации, явно фамильярнее, чем собственное имя или иной узуальный способ номинации с помощью существительного. Но и применительно к предмету, субстанции или отвлеченному понятию разница между местоимением и существительным имеет сходный характер. Так, например, в «Маленьком принце» Сент-Экзюпери, когда герой предлагает фонащику верный способ отдохнуть, тот ему отвечает: «*Ça ne m'avance pas à grand-chose, dit l'allumeur. Ce que j'aime dans la vie, c'est dormir.*»

Если заменить местоимение *ça* подходящим по смыслу существительным: *Cette solution ne m'avance pas à grand-chose*, то стиль высказывания сразу же изменится, точнее — станет несколько противоречивым: уж если предложение начинается так, то оно должно быть построено иначе — что-нибудь вроде: *Cette solution n'offre pas de réels avantages.*

Аналогичным образом в любой синонимический ряд с общим значением активного действия можно и нужно включить глагол *faire* (вспомним пример из § 19: *Ah, les salauds, ah, les vaches! Me faire ça à moi!*).

Допустимость смысловых расхождений между членами синонимического ряда подтверждается еще одним наблюдением. Дело в том, что многие явно ненормативные, стилистически сниженные слова, как во французском, так и в русском языке, отличаются широтой и неопределенностью своего лексического значения². Так, например, во французском аргю имеется слово *maggon*, которое, употребленное в качестве предикатива при подлежащем, обозначающем лицо, выражает общую, нерасчлененную идею неудачи, которая уточняется контекстом и (или) ситуацией. Так, *X s'est fait faire maggon* значит 'X попался' или 'X'a надули (оставили в дураках)', 'X сел в лужу' и т. п., а *X est maggon* означает 'X накрылся', 'X'у конец' и т. п. Такое же неопределенное значение имеют *foutre*, *la frime*, *marrant* и многие другие стилистически сниженные выражения. В литературном языке слов,

полностью совпадающих с ними по значению, нет, и в зависимости от ситуации и денотата, каждое из таких выражений включается в разные синонимические ряды. Так, *marrant* может выступать в качестве синонима *amusant* (*Marrante, ta combine!*) и *agréable* (*Je sais que c'est pas marrant de pieuter dehors, surtout qu'il fait — 3, — 4*); *foutre* может включаться в синонимический ряд *faire* (*Qu'est-ce que tu fous là?*) и *mettre* (*Je l'ai foutu dehors*) и т. д. Каждое такое выражение и его литературный эквивалент не совпадают по объему значения, но если денотат может быть обозначен и тем, и другим, выбор между ними дает стилистический эффект.

Сходные семантические отношения связывают иногда книжное слово и его нейтральные эквиваленты: книжное *consommer* может быть синонимом трех нейтральных глаголов: *manger*, *boire*, *dépenser*; такое же книжное слово *véhicule* обозначает любое наземное средство передвижения и, следовательно, является потенциальным синонимом таких общеупотребительных слов, как *voiture*, *wagon*, *camion* и другие.

Т. Г. Винокур, описавшая эти явления на русском материале, приходит к выводу, что стилистические расхождения между словами, употребляемыми в разных условиях коммуникации, вообще достаточно часто сопровождаются семантическими различиями между ними, что «в разных коммуникативных сферах говорят не совсем «об одном и том же»¹. Эта мысль хорошо согласуется с тем, что было сказано по этому поводу в главе I, а именно, что в реальном общении сколько-нибудь существенное изменение в стиле выражения, как правило, сопровождается и определенным сдвигом в стиле содержания.

Из всего сказанного в этом параграфе следует, что вполне четко разграничить стиль выражения и стиль содержания вряд ли возможно (ср. выше, § 9). Так, приведенная выше реплика фонащика из «Маленького Принца» — *Ça ne m'avance pas à grand-chose* — и сконструированный нами вариант *Cette solution n'offre pas de réels avantages* несомненно эквивалентны с точки зрения цели (внеречевой), которую преследует данное высказывание в данной деятельностной ситуации; но можно ли считать, что они семантически равнозначны и различаются только стилем выражения, или же стилистическое различие между ними опирается и на план содержания?

В теории этот вопрос однозначно не решается. Практический же вывод можно сформулировать так: конструируя ряды условно равнозначных выражений, взаимозаменяемых в таком-то типовом контексте, на предмет выявления их потенциальной стилистической значимости, мы не обязаны стремиться к полной семантической эквивалентности членов такого ряда и в ряде случаев можем удовлетвориться функциональной эквивалентностью, т. е. равно-

¹ Гак В. Г. О семантической организации текста // Лингвистика текста.— Тезисы научной конференции.— М.: Изд-во Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. им. М. Тореза, 1974.

² См.: Хованская З. И. Цит. соч.— С. 233—241. Применительно к русскому языку это явление описано в статье Т. Г. Винокур «Синонимия в функционально-стилистическом аспекте» (Вопр. языкознания.— 1975.— № 5).

¹ Винокур Т. Г. Синонимия в функционально-стилистическом аспекте.— С. 60.

значностью на уровне речевого действия. То, что, следуя этому принципу, лингвистическая стилистика будет время от времени вторгаться в зону, где она не является единоличной хозяйкой, по-видимому, не так уж страшно: было бы хуже, если бы мы искусственно ограничили себя сферой «классической» синонимии и отмахнулись от всего остального, т. е. от реальных возможностей выбора.

§ 68. ЛЕКСИЧЕСКИЕ АНТОНИМЫ КАК ИСТОЧНИК СТИЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

В конце § 66 была поставлена задача описать наиболее типичные и регулярно возникающие отношения эквивалентности между выражениями, содержащими более одной самостоятельной лексической единицы. Эквивалентности, основанные на использовании лексических антонимов, можно рассматривать как наиболее простой тип такого рода отношений и вместе с тем как переходную ступень от чисто лексической синонимии к синонимии выражений более сложной структуры. Пример такого равенства уже был приведен в § 64; *J'accepte = Je ne dis pas non = Ce n'est pas de refus*. Вот еще несколько примеров: *être occupé = ne pas être libre; être absent = ne pas être présent; c'est faux = ce n'est pas vrai; défendre = ne pas permettre* и т. д.

Однако не всякая антонимическая пара дает возможность построить такое равенство: *il n'est pas arrivé ≠ il est parti; les prix ne montent pas ≠ les prix baissent (descendent); ce n'est pas loin ≠ c'est tout près; ce n'est pas un échec ≠ c'est un succès*. Как указывает Ю. Д. Апресян, такие равенства возникают только между антонимами типа *Anti₂*; последние определяются им формулой *Anti (X) = 'не X'*, т. е. значение антонима слова *X* состоит в отрицании значения *X*: измена — верность (супружеская), наличие — отсутствие, покой — движение, живой — мертвый, здоровый — больной, факультативный — обязательный, принять — отвергнуть (проект), соблюдать — нарушать и т. п.¹

Иначе говоря, антонимы типа *Anti₂* отличаются от остальных тем, что в них «третьего не дано»: человек или жив, или мертв, или отсутствует, или присутствует; если он не болен, значит, он здоров, — что и отражается в равенстве *X = ne Anti₂ (X)*.

Из сказанного делаем важный для нас вывод: если член какого-то синонимического ряда *X* имеет антоним типа *Anti₂*, то в этот синонимический ряд следует включить и выражение вида *ne Anti₂ (X)*, а также его возможные синонимы. Собственно, так мы и поступили в § 66, строя ряд синонимов *N s'est trans-*

¹ Апресян Ю. Д. Лексические антонимы и преобразования с ними // Проблемы структурной лингвистики 1972. — М.: Наука, 1973. — С. 333. Русские примеры взяты отсюда же. См. также главу «Лексические антонимы» в книге Ю. Д. Апресяна «Лексическая семантика. Синонимические средства языка». Вообще, все изложенное в этом и в последующих параграфах в значительной мере основывается на идеях, высказанных в указанных работах.

formé: по отношению к этому выражению *N n'est plus le même* представляет собой *ne Anti₂ (X)*.

Однако эквивалентные с точки зрения денотативного содержания члены таких равенств могут различаться своими стилистическими значениями. Конечно, истинные, контекстуальные значения таких выражений зависят от контекста и ситуации, но общую закономерность мы все-таки можем наметить. Она заключается в том, что выражения типа *ne Anti₂ (X)* как будто смягчают идею, выражаемую *X*'ом: *Je ne me porte pas bien* предполагает менее серьезное недомогание, чем *Je suis malade*; *Je ne vous permets pas de me tutoyer* несколько менее категорично, чем *Je vous défends de me tutoyer*. Ср. еще: *ce n'est pas vrai — c'est faux; ce n'est pas de refus — j'accepte; il n'est pas malade — il se porte bien*.

Эта закономерность, видимо, проявляется в тех случаях, когда выражаемое понятие само по себе таково, что допускает или предполагает какое-то оценочное отношение к себе: считается неудобным слишком поспешно и явно принять какое-то заманчивое предложение, и говорящий предпочитает более «деликатную» формулу *ce n'est pas de refus*; сказать *c'est faux* опасно — можно обидеть собеседника. Другая потенциальная причина употребления таких смягченных выражений — возможность некоторой количественной градации понятия: конечно, если человек нездоров, значит, он болен; однако болезнь может быть более или менее серьезной, и говорящий по тем или иным причинам может быть заинтересован в том, чтобы преуменьшить ее серьезность.

Эти соображения подтверждаются тем, что, когда выражаемое понятие не может характеризоваться большей или меньшей интенсивностью и не предполагает оценочного отношения к себе, оно реже оформляется посредством антонима. Так, нелегко представить себе ситуацию, в которой говорящий предпочел бы выражение *Il n'est pas célibataire* более простому и естественному *Il est marié*. Зато обратное возможно: *Il n'est pas marié*, видимо, не менее частотно, чем *Il est célibataire*. Последнее объясняется тем, что *célibataire* — слово все-таки книжное.

Стремление смягчить выражаемое понятие часто приводит к тому, что при помощи антонимической замены выражаются такие значения, которые в принципе образуют антонимы иных типов, не допускающих подобных преобразований. Так, из того, что *N* не любит *M*, строго говоря, еще не следует, что *N* ненавидит *M* или хотя бы плохо к нему относится. Однако это выражение чаще всего означает — в едва смягченной форме — не просто отсутствие любви или приязни, а именно нелюбовь или неприязнь.

Ср. еще: *Elle n'est pas gaie ≅ Elle est triste; Elle n'est pas mal ≅ Elle est bien; Elle n'est pas belle ≅ Elle est laide; Elle ne me déplaît pas ≅ Elle me plaît; Vous n'êtes pas poli ≅ Vous êtes grossier*¹.

¹ Пример заимствован у *Ducrot O. Présupposés et sous-entendus // Langue française. — 4. — décembre 1969. — La sémantique.*

Во всех этих случаях антонимическая замена дает «фигуру речи», которая в старых риториках называлась литотой. Современный французский лингвист Освальд Дюкро следующим образом определяет условия, при которых какое-то высказывание воспринимается как литота: «En fait, l'auditeur ne cherche une litote que lorsque l'utilisation d'un énoncé plus fort aurait quelque chose de déplacé, d'inconvenant, de répréhensible. Si X et X¹ sont deux énoncés situés sur une même échelle de signification, et si le second ne diffère du premier que parce qu'il occupe un degré supérieur de cette échelle, si, d'autre part, une règle de convenance s'oppose ou peut sembler s'opposer à l'emploi de X¹, l'auditeur qui entend X a tendance à l'interpréter comme X¹»¹.

§ 69. ДЕНОТАТИВНО ЭКВИВАЛЕНТНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С КОНВЕРСИВАМИ

Конверсивами в современной лингвистике называют такие пары слов, которые описывают одну и ту же ситуацию (одно и то же двустороннее отношение), но с разных точек зрения, точнее, относительно разных участников ситуации (актантов)². Например: *posséder — appartenir* (A possède B \cong B appartient à A), *prêter — emprunter* (A a prêté C à B \cong B a emprunté C à A), *gagner — perdre*, *léguer — hériter*, *porter (des coups) — recevoir (des coups)*, *s'appuyer sur — soutenir* (A s'appuie sur B \cong B soutient A), *tenir pour — passer pour* (A tient B pour C \cong B passe pour C aux yeux de A), *maître — élève* (A est le maître de B \cong B est un élève de A), *parce que — c'est pourquoi* (François ne se cachait plus à sa mère, parce qu'il n'avait à rougir de rien \cong François n'avait à rougir de rien, c'est pourquoi il ne se cachait plus à sa mère).

Нетрудно заметить, что под приведенное определение подпадают и залоговые формы переходных глаголов: A a battu B \cong B a été battu par A или B s'est fait battre par A. Иначе говоря, активный залог и пассивный залог одного и того же глагола суть конверсивы, но не лексические, а грамматические.

В приведенных примерах левые и правые варианты различаются только способом осмысления и описания ситуации или — что то же самое — **актуальным членением**: в левых вариантах «героем» ситуации, т. е. **темой**, является A, а остальная часть высказывания составляет «сюжет» — то, что сообщается об A, т. е. **рему**; в правых вариантах все наоборот: в качестве темы выступает B. В языке многочисленны, однако, и такие пары выражений, которые, описывая одну и ту же ситуацию с разных точек зрения, вносят еще какие-то смысловые различия, хотя и незначительные. Например: *L'hiver nous a pris au dépourvu. — Nous n'avons pas*

eu le temps de nous préparer à l'hiver; Cela m'a surpris. — Je ne m'y attendais pas. В первом примере правый вариант не выражает идею неожиданности прихода зимы, содержащуюся в левом, а во втором — правый вариант ничего не говорит об эмоции субъекта речи. Такие выражения называются **квазиконверсивами**. Квазиконверсивной парой является и приведенный выше пример: *400 francs me suffiront. — Avec 400 francs j'arriverai.*

С какой точки зрения конверсивные и квазиконверсивные эквивалентности могут интересовать стилистику? Ясно, что основные факторы, определяющие выбор того или иного конверсива, относятся к предметно-логическому содержанию высказывания, — событие описывается «со стороны» того актанта, который является темой сообщения. Так, в рассказе о Гобсеке мы скажем, что тот *ссудил* деньгами молодогостряпчего, а в рассказе остряпчем, — что тот *занял* денег у ростовщика. В этом примере оба актанта — лица. В таких случаях конверсивные варианты бывают стилистически равнозначными, если, конечно, между самими глаголами (точнее, предикатами) нет стилистического различия (в нашем русском примере такое различие есть: «ссудить» — слово несколько устарелое, а «занять» — стилистически нейтральное; поэтому левый вариант похож на цитату из романа XIX века, а правый этой архаической окраски лишен).

Положение, однако, меняется, если один из актантов — лицо, а другой — предмет, субстанция или абстрактное понятие (или же один — конкретное понятие, а другой — абстрактное):

Il a perdu le courage.	Le courage l'a abandonné.
En lisant cette lettre, je me suis rappelé le passé.	Cette lettre m'a rappelé le passé.
Nous n'avons pas baissé la tête devant les menaces de l'extérieur.	Les menaces de l'extérieur ne nous ont pas fait baisser la tête.
Nous n'avons pas eu le temps de nous préparer à l'hiver.	L'hiver nous a pris au dépourvu.
Son visage était rose de pudeur.	Cette noble pudeur colorait son visage. (<i>Racine</i>)

Очевидно, что все фразы из правого столбика выглядят более «изящными», литературными, чем их денотативные эквиваленты. Это бывает, в частности, тогда, когда неодушевленный актанта становится подлежащим переходного глагола, дополнением к которому выступает лицо. Такие конструкции в особенности характерны для классической поэзии:

Quel transport me saisit? Quel chagrin me dévore?
(*Racine*)
Mon trouble, il est bien vrai, m'a si fort possédée
Que de le démentir je n'ai point eu l'idée. (*Molière*)
La faim mit au tombeau Malfilâtre ignoré. (*Gilbert*)

¹ Ducrot O. Op. cit. — P. 37.

² Более точное (но и более сложное) определение этого понятия см.: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. — С. 259.

В. Г. Гак объясняет это явление тем, что «при переходных... глаголах, обозначающих активное действие, употребление в функции субъекта слова, обозначающего неодушевленный предмет, является до некоторой степени метафоричным, ибо в данном случае неодушевленный предмет приравнивается к одушевленному существу»¹. И далее утверждается, что такое употребление неодушевленных существительных в функции подлежащего при переходном глаголе во французском языке «встречается относительно чаще, чем, например, в немецком, английском и русском, и может рассматриваться как специфическая черта французской грамматики и стилистики»².

Говоря о стилистике, В. Г. Гак имеет здесь в виду стилистику *внешнюю*, сопоставительную, и с этой точки зрения он совершенно прав. Однако с точки зрения стилистики внутренней, а именно стилистики языка, сказанное необходимо уточнить: во французском языке такое построение предложения характерно главным образом для литературно-обработанной, более или менее книжной речи, а в повседневном речевом обиходе встречается несравненно реже.

Таким образом, выбор одного из двух денотативно равнозначных выражений, построенных при помощи конверсии, может оказаться стилистически значимым в том случае, если актанты, занимающие места подлежащего и дополнения, относятся к разным семантическим классам: один — предмет или (в особенности) абстрактное понятие, а другой — лицо.

§ 70. ГЛАГОЛ И ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННАЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Другой класс равнозначных преобразований основан на том, что можно назвать семантическим расчленением глагола. Как во французском, так и в русском языке существуют многочисленные синонимические или квазисинонимические пары вида $V = V_0 + N_v$, где один из членов — лексически однозначный глагол (V), а второй — аналитическая глагольно-именная конструкция, состоящая из более или менее десемантизированного глагола (V_0) и существительного, обозначающего действие (N_v), как правило, производного от V или, во всяком случае, семантически связанного с V ³. Например:

accueillir = faire, réserver un accueil; être accueilli = recevoir, trouver un accueil; aider = accorder une aide; être aidé = recevoir

¹ Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. — М.: Высш. школа, 1965. — С. 80—81.

² Там же. — С. 81—82; см. также: Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. — С. 88; Lombard A. Les constructions nominales dans le français moderne. Uppsala et Stockholm, 1930; Malblanc A. La stylistique comparée du français et de l'allemand. — P. 234—236.

³ О глагольно-именных конструкциях такого типа см.: Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Цит. соч. — С. 93—99; отсюда же взята часть примеров.

(bénéficiaire de) une aide, influencer = exercer son (une) influence; être influencé = subir, se trouver sous l'influence; critiquer = soumettre à la critique, faire subir la critique; être critiqué = subir la critique, être l'objet de la critique; voyager = effectuer un voyage; tuer = donner la mort; mourir = trouver la mort; se souvenir de... = garder le souvenir de ...; penser (qch de qn) = avoir une opinion (A pense mal de B = A a une mauvaise opinion de B); désespérer = mettre au désespoir; être désespéré = être au désespoir; marcher = être en marche; faire marcher = mettre en marche; regarder = jeter un regard; crier = pousser (avoir) un cri и т. д.

Как видно из примеров, некоторые пары (в частности, те, которые помещены в первой половине этого перечня) находятся между собой в конверсных отношениях и таким образом дают возможность построить ряды: A influence B = A exerce son influence sur B = B est influencé par A = B subit (se trouve sous) l'influence de A.

К описанным соответствиям по структуре и по значению близки такие пары, в которых глагольно-именная конструкция содержит не имя действия, а имя производителя или объекта действия: A protège B = A est le protecteur de B; A défend B = A est le défenseur de B; A a tué B = A est l'assassin de B; A soigne B = A est le médecin de B. A также: B est protégé par A = B est le protégé de A; B est défendu par A (dans un procès) = B est le client de A (A étant l'avocat de B); B a été tué par A = B est la victime de A; B est soigné par A = B est un patient (malade) de A.

Используя оба типа соответствий, мы можем построить такие, например, ряды: A protège B = A accorde à B sa protection = A est le protecteur de B = B est protégé par A = B est le (un) protégé de A = B bénéficie de la protection de A. A a tué B = A a donné la mort à B = A est l'assassin de B = B a été tué par A = B a trouvé la mort de la main de A = B est la victime de A.

В стилистическом отношении явной и постоянной разницы между глагольными и глагольно-именными вариантами нет — как и в случае конверсных преобразований, выбор того или другого часто зависит от факторов, связанных с предметно-логическим содержанием, а также с грамматическим контекстом. Так, глагольно-именные конструкции иногда уточняют лексическое значение простого глагола (ср.: soigner, défendre, с одной стороны, и médecin, avocat — с другой); нередко также они позволяют дать *видовую* характеристику действия (ср.: désespérer и mettre au désespoir, faire marcher и mettre en marche)¹.

Наконец, выбор глагольного или глагольно-именного варианта достаточно часто определяется потребностью охарактери-

¹ См.: Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Цит. соч. — С. 94—96.

зовать действие и возможностями, которые предоставляет в этом отношении язык: выбирается тот вариант, в рамках которого «удобнее» выразить желаемую характеристику предиката¹. Так, например, фразу *On lui a réservé un accueil sans précédent* превратить в глагольный вариант просто нельзя — соответствующего наречия в языке нет. Глагол *se souvenir* сочетается с ограниченным числом наречий, а существительное *souvenir* может принять множество самых разнообразных определений². Вообще, как неоднократно отмечалось исследователями, французскому языку глагольно-именные конструкции свойственны в большей степени, чем, например, немецкому и русскому.

Ясно, что чисто стилистические факторы выбора вступают в силу только тогда, когда с точки зрения всех прощих безразлично, какой из вариантов взять. И здесь обнаруживаются две тенденции. Первая — историческая — неоднократно была описана. Она заключается в том, что со второй половины XIX века литературный французский язык начинает оказывать все большее и большее предпочтение именным конструкциям перед глагольными вообще, и в частности, — аналитическим конструкциям $V_0 + N_V$ перед глаголами. Конструкция *avoir + N_V* (*Il eut un haussement d'épaules*) чрезвычайно характерна, например, для романов Золя; современные газеты, как правило, предпочитают обороты типа *NN a reçu un accueil enthousiaste* глагольным конструкциям (ср.: *On l'a accueilli avec enthousiasme*), и в тех случаях, когда никаких веских причин для этого нет.

О том, что мода на «субстантивный стиль» не проходит, свидетельствует и сатирическая по своей направленности книжка Р. Бове «*L'hexagonal tel qu'on le parle*»³, в которой высмеивается (не всегда удачно) современная научная, деловая и публицистическая речь. Так, по мнению Бове, французская фраза *Il ne faut ni baisser ni augmenter les prix* в переводе на «гексагональ» (так именуется этот суперсовременный язык) звучит как *Il faut opérer un blocage*⁴, а *La vie n'est pas toujours gouvernée par la raison* дает *La raison n'est pas toujours la norme effective de l'existence*⁵.

Вторая тенденция, характеризующая уже не диахронию, а синхронное состояние языка (т. е. непосредственно внутреннюю стилистику), состоит в том, что глагольно-именные конструкции все-таки и сегодня более характерны для письменной литературно-обработанной, чем для разговорной речи, и в силу

¹ См.: Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Цит. соч. — С. 146; см. также: Гак В. Г. К проблеме синтаксической семантики // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. — М.: Наука, 1969.

² Так, в словаре Ройма к существительному *souvenir* дается 35 эпитетов, а к глаголу всего 11 наречий.

³ *Beauvais R. L'hexagonal tel qu'on le parle.* — P.: Livre de poche, 1973.

⁴ Там же. — С. 116.

⁵ Там же. — С. 111.

этого большинство из них сохраняют книжную окраску. Однако это утверждение нуждается в ряде оговорок. Так, сказанное не относится к фразеологизмам, не имеющим простых глагольных эквивалентов, — таковы, например, *perdre confiance*, *donner confiance*, *prendre conscience* и многие другие — во французском языке они исчисляются сотнями. В некоторых случаях глагольно-именные конструкции вытеснили или вытесняют исконные глаголы, так произошло, например, с *guerroyer*, на смену которому пришло выражение *faire la guerre*.

Иногда глагол и соответствующая глагольно-именная конструкция расходятся в своих значениях. Так, например, *mettre en marche* 'пустить в ход' стало, по существу, техническим термином 'завести' [мотор]. В наше время по понятным причинам это выражение стало чрезвычайно употребительным в обиходной речи. Проникновению в обиходную речь указанных конструкций способствуют и те видовые оттенки, которые они могут выражать. Так, для современного речевого обихода *J'ai fait un voyage en Grèce* (или даже *J'ai fait la Grèce*) гораздо типичнее, чем *J'ai voyagé en Grèce*.

Стилистическое значение глагольно-именного предиката зависит и от того, какой глагол использован для его образования: *effectuer un voyage*, *réserver un accueil* — выражения явно книжные (точнее, «газетные»), тогда как *faire un voyage* и *faire un accueil* стали общеупотребительными. В целом о большей «книжности» глагольно-именных конструкций по сравнению с простыми глаголами можно говорить лишь как о тенденции, а не как об общем правиле.

§ 71. ДРУГИЕ ДЕНОТАТИВНО ЭКВИВАЛЕНТНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ, РАЗЛИЧАЮЩИЕСЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРОЙ

Рассмотрим — по необходимости бегло — некоторые другие семантические соответствия, которые регулярно встречаются в современном французском языке.

Первое, которое мы здесь упомянем, сходно с описанным в предыдущем параграфе и отличается от него прежде всего тем, что в глагольно-именном варианте N_V (имя действия) занимает позицию не дополнения, а подлежащего. Такие конструкции в книге В. Г. Гака и Е. Б. Ройзенблит названы **субъектными развернутыми глагольными структурами**¹.

Несколько примеров: *Il écrit bien = Son écriture est bonne* (ср.: *Il a une bonne écriture*); *Il écrit bien = Son style est bon*; *Il parle bien = Sa diction est bonne*; *Il travaille dans un français excellent = Son français est excellent*; *Il travaille efficacement = Son travail est efficace* (ср.: *Il fait un travail efficace*); *Il me répondit avec courtoisie = Sa réponse fut (était) courtoise*; *Il*

¹ Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Цит. соч. — С. 17.

répondit en termes brefs = Sa réponse fut (était) rédigée en termes brefs.

Здесь обстоятельство образа действия (в частности, оценки) превращается в предикатив; при этом в ряде случаев правые, развернутые варианты снимают двусмысленность (то, как человек говорит или пишет, может оцениваться с разных точек зрения). Фразы, приведенные в скобках, показывают, что такие пары соотносятся с объектными глагольно-именными структурами и вместе с ними образуют тройки.

Вот несколько иной случай: Ils se sont rencontrés en mars dernier, dans une piscine = Leur rencontre a eu lieu en mars dernier, dans une piscine; Il a achevé calmement son voyage = La fin de son voyage s'est passée dans le calme (calmement); Ils se sont battus près d'Azincourt = Leur bataille s'est déroulée près d'Azincourt.

Здесь правые варианты подчеркивают, уточняют коммуникативную структуру: если в левых не всегда ясно, что именно является ремой, т. е. на какой вопрос отвечает фраза, то в правых никаких сомнений на этот счет нет: слово или словосочетание, занимающее конечную позицию, и является основной целью высказывания, т. е. ремой. Происходит это потому, что употребляемые в них глаголы лишены собственной семантики, они выражают только абстрактную идею процессуальности.

Если обстоятельство в таких фразах выражает идею продолжительности, цели или причины, то предлог, которым оно вводится (или союз, которым вводится обстоятельственное придаточное) может транспонироваться в глагол (обстоятельственное придаточное в таких случаях номинализуется): Nous nous sommes promenés pendant deux heures = Notre promenade a duré deux heures; A a rencontré B pour négocier les conditions de l'armistice = La rencontre A — B avait pour but de (était destinée à) négocier les conditions de l'armistice; Ils ont été battus à cause de leur faiblesse (parce qu'ils étaient les plus faibles) = Leur défaite est due à (s'explique par) leur faiblesse.

В отношении стилистических характеристик этих вариантов — в той мере, в какой о них вообще можно судить по абстрактным схемам, — следует отметить все ту же тенденцию: в общем, по крайней мере потенциально, правые варианты, в которых имя действия (отглагольное существительное) выступает как подлежащее, обладают книжной окраской по сравнению с левыми. И исторически, и, надо думать, психологически первичными являются те конструкции, в которых подлинный субъект действия оформляется как грамматическое подлежащее¹.

Следующий тип преобразований, который мы здесь покажем, можно назвать **приведением к формуле тождества**. Пусть дано предложение: En 1629 Jacques Lemercier acheva la construction du Palais-Cardinal. Интуитивно можно предположить, что оно

¹ Об этом см.: Гак В. Г. К проблеме синтаксической семантики. Подробнее об этом будет сказано ниже.

взято из жизнеописания Жака Лемерсье — известного французского архитектора XVI—XVII веков. И действительно, мы заимствовали его из статьи Lemercier (Jacques) в «Grand Dictionnaire Larousse». Это впечатление создается оттого, что коммуникативная структура фразы довольно неопределенна: скорее всего темой здесь является грамматическое подлежащее Jacques Lemercier, а все остальное — рема. Это естественно, поскольку текст последовательно излагает важнейшие события творческой жизни архитектора. Это типично *повествовательная* фраза, из таких или им подобных в основном складывается авторское повествование в романах.

Теперь представим себе, что нам надо последовательно сделать ремой каждый член этого предложения, т. е. преобразовать фразу так, чтобы она последовательно отвечала на следующие вопросы: 1) Кто закончил строительство Пале-Кардиналя в 1629 году? 2) Строительство чего закончил Жак Лемерсье в 1629 году? 3) Когда Жак Лемерсье закончил строительство Пале-Кардиналя? Именно такой точной постановкой вопросов отличается, как известно, *научный* текст. Попробуем придать такой научный характер этой фразе.

1) L'architecte qui acheva en 1629 la construction du Palais-Cardinal est Jacques Lemercier.

2) L'édifice dont Jacques Lemercier acheva la construction en 1629 est le Palais-Cardinal.

3) La date où Jacques Lemercier acheva la construction du Palais-Cardinal est (l'année) 1629.

Последнюю фразу можно сделать более сжатой: La date de l'achèvement du Palais-Cardinal par Jacques Lemercier est 1629.

Правило построения этих вариантов достаточно несложно: а) заменить словом более общего значения то слово, которое должно быть выделено в качестве ремы (Jacques Lemercier — l'architecte, но можно и l'homme; le Palais-Cardinal — l'édifice; 1629 — la date); б) распространить полученное слово придаточным предложением (или причастным оборотом, или несогласованным определением), которое содержало бы остальные компоненты фразы, — таким образом мы получаем группу подлежащего; в) посредством глагола-связки присоединить исходное слово в качестве предикатива к группе подлежащего. В результате получаем предложение тождества, т. е. такое предложение, в котором устанавливается тождество подлежащего и предикатива (ср.: Директор школы — Раевская).

Но предложения тождества поддаются прямому обращению именных членов: Директор школы — Раевская = Раевская — директор школы. Мы можем сделать то же самое и с нашими вариантами: 1) Jacques Lemercier est l'architecte qui ...; 2) Le Palais-Cardinal est l'édifice dont ...; 3) 1629 est la date de l'achèvement du Palais-Cardinal. Эти варианты отвечают уже на иные вопросы: 1) Кто такой Жак Лемерсье? 2) Что такое Пале-Кардиналь? 3) Что за дата 1629 год?

То, что было ремой, стало темой, и наоборот.

Как уже было сказано, структура, которой характеризуются полученные нами 6 вариантов, типична для книжной речи и обладает соответствующей стилистической окраской. Отметим, однако, что первые три — те, что мы сконструировали вначале, — являются более книжными, чем остальные. Почему — будет разъяснено в главе VII.

§ 72. ПЕРВИЧНЫЕ И ПРОИЗВОДНЫЕ СТРУКТУРЫ

Конечно, мы не исчерпали и небольшой части тех семантических соответствий, которые потенциально существуют в языке и связывают модели предложений, характеризующиеся определенной лексико-грамматической структурой.

Однако сказанного достаточно для того, чтобы понять: синонимия — это отнюдь не только лексические синонимы. Синонимические отношения пронизывают все уровни языка. Одно и то же или приблизительно одно и то же денотативное содержание можно выразить множеством разных способов, и чем это содержание сложнее, тем больше способов имеется в нашем распоряжении. Самая разветвленная и богатая синонимия — это синонимия целых высказываний¹.

Конечно, внутри каждого такого ряда денотативно равнозначных высказываний далеко не каждое обладает своим собственным стилистическим значением, которое отличало бы его в этом плане от всех остальных. Так, например, первые три варианта фразы о Жаке Лемерсье, которые мы построили в предыдущем параграфе, со стилистической точки зрения не отличаются друг от друга. Однако каждый противостоит исходной фразе, как книжный вариант нейтральному.

Выбор любого варианта этого уровня из ряда возможных всегда стилистически значим, потому что внутри любого такого ряда есть, с одной стороны, более сложные, производные, книжные варианты, а с другой — хотя бы один более простой, первичный, нейтральный. В этом заключается второй важный вывод, который надлежит сделать из сказанного. Если отвлечься от частных случаев, то можно констатировать: в сфере таких сложных соответствий простое, структурно первичное, тяготеет к стилистической нейтральности, а сложное, структурно производное, — к «книжности».

Первичными, исходными мы будем считать такие структуры, которые характеризуются обычным, типовым соотношением между планом выражения и планом содержания. Как пишут об этом В. Г. Гак и Е. Б. Ройзенблит, «для обозначения определенных элементов плана содержания в языке вырабатываются определенные элементы плана выражения. Обычно устанавливается со-

¹ По-видимому, можно говорить и о синонимии — относительной, конечно, — целых текстов. Но такая синонимия уже не относится к компетенции лингвистики.

отношение, при котором для выражения данного элемента плана содержания используется преимущественно данная языковая структура и, наоборот, данная структура используется преимущественно для выражения данного значения в плане содержания. Такая структура может быть названа основной (исходной, типизированной)¹.

Применительно к предложению это означает, что исходной, основной моделью следует считать такую, в которой в качестве подлежащего выступает существительное, обозначающее реальное производителем действия, или субъекта восприятия (состояния), или, наконец, носителя качества; а сказуемое обозначает действие (процесс) или состояние и выражено полнозначным глаголом или глаголом-связкой, сопровождаемым именем.

С этой точки зрения, как уже было сказано, такие предложения, как *Leur promenade a duré deux heures* и *Il y a eu quelques coupures de courant*, реализуют вторичные, производные модели.

Структура производных моделей, как это видно из приведенных выше примеров, характеризуется в первую очередь разного рода **номинализациями**, т. е. превращением (транспозицией) слов, именами не являющихся, а также целых предложений в имена — существительные или прилагательные — и (или) использованием их в функции имен².

Из всего сказанного следует, что, оценивая стилистическое значение любого предложения, реализующего производную модель, мы должны сопоставлять его структуру со структурой денотативно эквивалентного ему предложения, построенного по исходной модели. Исходная модель всегда стилистически нейтральна, хотя ее лексическое наполнение может придать высказыванию самые различные стилистические характеристики. Но далеко не каждое высказывание, реализующее производную структуру, должно квалифицироваться как книжное: в современных языках, обладающих богатой письменно-литературной традицией, множество выражений, построенных по производным моделям, стали настолько употребительными, что потеряли всякий оттенок «книжности» (см. выше, § 70).

§ 73. ВАРИАТИВНОСТЬ НА УРОВНЕ ПОВЕРХНОСТНОГО СИНТАКСИСА. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ КАНОНИЧЕСКОГО СЛОВОПОРЯДКА

В последних параграфах мы рассматривали такие денотативно эквивалентные выражения, которые отличаются друг от друга и синтаксической структурой, и лексическим наполнением — лексико-грамматической структурой в целом.

¹ Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Цит. соч. — С. 12; см. также упомянутые выше работы В. Г. Гака «К проблеме синтаксической семантики» и «Проблемы лексико-грамматической организации предложения».

² О номинализациях см.: Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. — С. 167—170.

Теперь мы очень кратко рассмотрим важнейшие поверхностно-синтаксические модификации предложения, т. е. такие варианты его строения, которые не изменяют грамматической структуры.

К ним в первую очередь относятся варианты, возникающие в результате изменения словоупорядка. Считается, что словоупорядок во французском языке в целом жестко фиксирован. Это верно применительно к «классическому» письменному синтаксису. Однако, наряду с последним, во французском языке существует и другой, так сказать, параллельный синтаксис, который В. Г. Гак назвал расчлененным и где порядок слов (точнее, порядок членов предложения) характеризуется почти неограниченной свободой¹. В этом параграфе мы коснемся в первую очередь тех сугубо ограниченных возможностей варьирования, которые предоставляют субъекту речи «классический» синтаксис.

Нормативный порядок слов во французском предложении был неоднократно описан не только в специальных работах, но и в учебных пособиях², к которым мы и отсылаем читателя.

Отметим по этому поводу лишь два момента:

1. Варьирование порядка членов предложения в пределах нормы (например, постановка обстоятельственной группы в начало предложения или в послесказуемую позицию, взаимное расположение послесказуемых компонентов) определяется либо коммуникативной структурой предложения (в «нормализованной» речи тема стремится занять начальную позицию, а рема — конечную), либо чисто структурными факторами — сравнительной длиной компонентов, а также наличием или отсутствием развернутых определений к ним³. К стилистике языка такое варьирование прямого отношения не имеет.

2. Большинство нормативных отклонений от синтаксического стандарта также связано с коммуникативным членением или с ритмическими факторами. Так, например, факультативная инверсия подлежащего при непереходном глаголе чаще всего маркирует подлежащее как ремю: *Là semblaient exposés dans la nuit, tous les biens de la terre (Saint-Exupéry)*.

Но такое построение маркировано и стилистически — оно носит отчетливо книжный характер. Последнее касается и отклонений от канонического словоупорядка внутри группы члена предложения, т. е. в первую очередь, постановки прилага-

тельного в необычную позицию по отношению к определяемому им существительному (*inutile sacrifice, irréparable oubli*).

Особую проблему в этом ряду составляет порядок слов в вопросительном предложении. Помимо общих работ по французскому синтаксису и стилистике, этой проблеме посвящено немало исследований. Так, очень тщательно и подробно она изучена в книге Н. А. Шигаревской «Очерки по синтаксису современной разговорной речи»¹. Ниже кратко резюмируются основные выводы Н. А. Шигаревской, касающиеся стилистического аспекта этого явления.

Как известно, вопросительные предложения делятся на два больших класса: модальные, или верификативные (в терминологии Н. А. Шигаревской «вопросительные предложения без вопросительного слова — члена предложения»), и диктальные, или информативные («вопросительные предложения с вопросительным словом — членом предложения»). Первые просят подтвердить или опровергнуть высказываемое предположение: *Vous partez ce soir? — Oui (non, peut-être, je ne sais pas, bien sûr, etc.)*; вторые же запрашивают какую-то новую «вещественную» информацию: *Vous partez quand? — Ce soir*.

Верификативное предложение может быть построено четырьмя различными способами: 1) *Partez-vous ce soir? (VSC)*²; 2) *Vous partez ce soir? (SVC)*; 3) *Est-ce que vous partez ce soir? (eSVC)*; 4) *Vous partez-ti ce soir?*

Первый в современном французском языке принадлежит литературной норме — книжной речи и разговорной речи, тяготеющей к книжной (верхняя половина «нейтрального яруса»). Второй, по данным Н. А. Шигаревской, наиболее типичен для разговорной речи, он принадлежит нижней половине «нейтрального яруса». Третий относится к нейтральному ярусу в целом, тяготея в общем к нижней его половине; по сравнению с предыдущим он значительно менее употребителен и часто имеет усилительное значение, соотносимое с русскими «разве», «уж жели», «уж не», которое лежало в основе этой выделительной конструкции в ранний период развития французского языка. Наконец, четвертый всецело принадлежит просторечию и в городах мало распространен.

Информативное предложение с вопросительными словами обстоятельственного значения тоже строится по четырем основным

¹ Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. — С. 108.

² См. в первую очередь: Гак В. Г. Теоретическая грамматика... С. 89—95, а также: Реферовская Е. А., Васильева А. К. Теоретическая грамматика современного французского языка. — Ч. 2. Изд. 2-е. — М., Просвещение, 1983. — С. 119—140; Штейнберг Н. Н. Грамматика французского языка. Ч. 2. Изд. 3-е. — Л., Просвещение, 1972. — С. 42—57.

³ См., в частности: Реферовская Е. А. О порядке слов в современном французском языке // *Philologica*, исследования по языку и литературе. — Л.: Наука, 1973.

¹ Шигаревская Н. А. Очерки по синтаксису современной разговорной речи. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. Кроме этой книги, см. исследования, указанные в сноске на с. 173, а также: Веденина Л. Г. Некоторые особенности вопросительных предложений в разных функциональных стилях современного французского языка // Научн. докл. высш. шк. — Филол. науки. — 1968. — № 2. — С. 77. Сабанеева М. К. Структурные и стилистические условия построения вопросительных предложений в современном французском языке // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков. — М.: Наука, 1966.

² V — verbe, S — sujet, C — complément; и дальше: e — est-ce que, q — quand, qui, etc.

моделям: 1) Quand partez-vous? (qVS); 2) Quand est-ce que vous partez? (qeSV); 3) Vous partez quand? (SVq); 4) Quand vous partez? (qSV).

Первый вариант является нейтральным и наиболее употребительным: он распространен и в книжной, и в разговорной речи любого характера. Вторым употребляется сравнительно редко, преимущественно с quand и où. Третий, ранее воспринимавшийся как просторечный, приобретает все более широкое распространение; на сегодняшний день его можно определить как принадлежащий фамильярному уровню. Четвертый характерен для детской речи и просторечия. В последнем, кроме того, отмечаются формы, соотносимые с моделью 2, где компонент est-ce que претерпевает характерные изменения: Quand que vous partez? Quand c'est que vous partez?

Информативное вопросительное, которое Н. А. Шигаревская называет местоименным, т. е. такое, в котором вопрос относится к подлежащему, дополнению или предикативу, строится по трем основным образцам:

1) qVS: Qui part ce soir? Que faites-vous? 2) qeSV: Qu'est-ce que vous faites là? Qu'est-ce qui lui est arrivé? 3) SVq: Vous faites quoi? Ça sert à quoi?

Первые два можно считать нейтральными. По первому строятся почти все вопросы к одушевленному подлежащему, а по второму — все вопросы к неодушевленному подлежащему и более половины вопросов к неодушевленному прямому дополнению. Что касается третьей модели, то и здесь она выступает как несколько сниженная.

В разговорной, т. е. спонтанной и аффективной речи, вопросы всех типов часто строятся как сегментированные предложения (см. следующий параграф): C'est pour qui, cette lettre?

§ 74. ВАРЬИРОВАНИЕ НА УРОВНЕ ПОВЕРХНОСТНОГО СИНТАКСИСА.

СЕГМЕНТИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Наиболее широкие возможности варьирования на этом уровне связаны с так называемой **сегментацией** предложения. Этому явлению также посвящена обширная литература¹, однако на нем надо остановиться несколько подробнее.

«Классическими» случаями сегментации являются антиципация и реприза различных членов предложения посредством соответствующих местоимений:

Les mêmes qui se piquent, ils deviennent tous habitués au bonheur. (*Ajar*)

¹ Кроме работ, названных в сноске на с. 173, мы особенно рекомендуем «Французскую стилистику» Балли (§ 258—291), его же «Общую лингвистику и вопросы французского языка» (§ 79—99 и § 108), указанную в предыдущем параграфе книгу Н. А. Шигаревской, а также статью В. Г. Гака «Коммуникативные трансформации и системность средств логического выделения во французском языке» (Научн. докл. высш. шк.—Филол. науки.—1975.—№ 5).

Un vétérinaire, ça doit soigner les chats et chiens de n'importe qui... (*Triolet*)

— реприза подлежащего;

C'est inouï, le monde! (*Fallet*)

D'ailleurs, ça l'intéressait, la Sorbonne. (*Aragon*)

— антиципация подлежащего;

Les gens d'ici, je les connais par cœur... (*Courtade*)

Mais ça, on le saura demain. (*Aymé*)

— реприза дополнения;

J'en ai marre à la fin, de ce morveux. (*Ch. Rochefort*)

Nous l'avons enfin, cette guerre! (*Bloch*)

— антиципация дополнения.

В понятие сегментации можно, очевидно, включить и так называемые выделительные конструкции c'est ... qui, c'est ... que, ce qui ... c'est, ce que ... c'est.

Эти последние, как известно, могут «обрабатывать» любой член предложения кроме сказуемого:

C'est Odette qui avait amené elle-même Swann chez les Verdurin. (*Proust*) — подлежащее;

[...] c'est chez les Verdurin que Swann retrouvait le petit noyau... (*Proust*) — обстоятельство места;

Si je vous comprends bien, c'est uniquement de la Russie que notre sort dépend? (*Martin du Gard*) — дополнение;

Ce que je ne peux pas supporter, c'est sa voix. (*Mallet-Joris*) — дополнение;

Ce qui me plaît, en elle, c'est sa franchise. (*Mallet-Joris*) — подлежащее.

Очевидно, что каждая из приведенных фраз денотативно эквивалентна некоторой фразе, обладающей той же субъектно-объектной структурой и тем же набором лексически полных слов, но лишенной признаков, которые характеризуют сегментированную: Nos Dauphines ne craignent personne; Un vétérinaire doit soigner les chats et chiens de n'importe qui; Le monde est inouï; La Sorbonne l'intéressait; Je connais par cœur les gens d'ici; On saura ça demain; J'ai marre à la fin de ce morveux; Nous avons enfin cette guerre; Odette avait amené elle-même Swann chez les Verdurin; Si je vous comprends bien, notre sort dépend uniquement de la Russie; Je ne peux pas supporter sa voix; Sa franchise me plaît.

Далее очевидно, что каждую таким образом «нормализованную» фразу можно перестроить по образцу других сегментированных фраз, например: La Sorbonne, ça l'intéressait; Elle, la Sorbonne l'intéressait; La Sorbonne l'intéressait, elle; C'est la Sorbonne qui l'intéressait; C'est elle que la Sorbonne intéressait; Ce qui l'intéressait, c'était la Sorbonne. При этом денотативная эквивалентность, естественно, сохраняется.

Из этого можно сделать вывод, что каждое французское предложение (по крайней мере двусоставное) может реализоваться в нескольких вариантах, образующих денотативно эквивалентный ряд.

Чем определяется и что выражает выбор того или иного из этих вариантов?

Обычно утверждают, что они служат для *выделения* различных членов предложения. Однако, как видно из только что приведенной серии фраз, один и тот же член предложения — например, *la Sorbonne* — может быть «выделен» несколькими различными способами (в данном случае, четырьмя), и в чем разница между ними, остается неясным. Гораздо более четкая и непротиворечивая картина получается, если совокупность этих вариантов рассматривать как систему способов выражения или, точнее, подчеркивания коммуникативной структуры высказывания (подобно вариантам фразы Jacques Lemercier *acheva la construction...* из § 71) без изменения его грамматической структуры¹.

Покажем это на материале простого предложения, состоящего из выраженного существительным подлежащего (S), глагольного сказуемого (V) и прямого дополнения (C), например: *Ce spectacle attire le public*. Компоненты грамматической структуры такого предложения могут распределиться между составом темы (T) и ремы (P) пятью различными способами: 1) $S^T(VC)^P$, т. е. S — тема, VC — рема; 2) $(SV)^T C^P$; 3) $(SC)^T V^P$; 4) $(VC)^T S^P$; 5) $C^T(SV)^P$. Предложение SVC может быть также коммуникативно нерасчлененным, т. е. целиком входящим либо в состав темы, либо в состав ремы какого-то более протяженного высказывания. Этот случай будем называть нулевым. Кроме того, в каждом случае, кроме нулевого, порядок следования темы и ремы может быть различным: а) TP и б) PT.

Каждому такому случаю и каждому «подслучаю» удастся поставить в соответствие один определенный сегментированный вариант:

0. (SVC) *Ce spectacle attire le public.*
- 1 a. $S^T(VC)^P$ *Ce spectacle, il (ça) attire le public.*
- 1 b. $(VC)^P S^T$ *Il (ça) attire le public, ce spectacle.*
- 2 a. $(SV)^T C^P$ *Ce que ce spectacle attire, c'est le public.*
- 2 b. $C^P(SV)^T$ *C'est le public que ce spectacle attire.*
- 3 a. $(SC)^T V^P$ *Ce spectacle, le public, il l'attire.*
- 3 b. $V^P(SC)^T$ *Il l'attire, ce spectacle, le public.*
- 4 a. $(VC)^T S^P$ *Ce qui attire le public, c'est ce spectacle.*
- 4 b. $S^P(VC)^T$ *C'est ce spectacle qui attire le public.*

¹ Излагаемая здесь концепция сегментированных предложений подробно обоснована и развита в работе автора «Коммуникативные варианты французского простого предложения» (Л.: Изд-во Ленинград. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1975).

5 a. $C^T(SV)^P$ *Le public, ce spectacle l'attire.*

5 b. $(SV)^P C^T$ *Ce spectacle l'attire, le public.*

Из этих вариантов 3а и 3б реализуются в речи или, во всяком случае, фиксируются в художественной литературе значительно реже, чем остальные. Однако они реально существуют, например:

Il se les enfonce pour de bon, le fakir les épingles? (Queneau)
Moi les documents qui prouvent des choses, j'en veux pas!
(Ajar)

Наш список коммуникативных вариантов с их структурными формулами показывает, между прочим, что разница между *c'est... que, c'est... qui* и им подобными (варианты 2 и 4), с одной стороны, и репризой и антиципацией — с другой (варианты 1, 3 и 5), заключается в том, что первые оформляют высказывания с *именной* ремой, а вторые — с *глагольной* или включающей в себя глагол. Можно также заметить, что четные варианты, в особенности 2а и 4а, сходны с теми, которые получаются в результате приведения глагольной фразы к предложению тождества (см. выше, § 71), и, в сущности, являются переходной ступенью между поверхностно синтаксическими и глубинно синтаксическими.

Очевидно, что предложение более сложной структуры, содержащее большее число компонентов, дает и большее число возможных вариантов.

Все варианты, приведенные в списке, могут подвергнуться дальнейшему осложнению. Дело в том, что коммуникативная структура высказывания может быть сложной, иерархической: внутри состава ремы или (реже) темы может возникнуть *вторичное* актуальное членение, и эта часть предложения, в свою очередь, может подвергнуться сегментированию: *Ce spectacle, ce qu'il attire, c'est le public; C'est le public qu'il attire, ce spectacle; Le public, il l'attire, ce spectacle; C'est ce spectacle qui l'attire, le public* и т. д.

Несколько примеров из литературы:

Et Villon, est-ce qu'il aime beaucoup Villon, le petit Peuvrard? (Guth)

Elle, l'idée d'un homme qui lirait sa pensée la fait rougir, Marie-Noire. (Aragon)

[...] mais ce n'était plus le même charme; celui-ci, c'est Odette seule qui le leur conférait. (Proust)

О стилистических характеристиках сегментированных предложений нам еще придется много говорить. Здесь отметим только самые общие их свойства. Как показывает большинство примеров, родная стихия сегментации — живая, разговорная речь. Иначе говоря, сегментированные предложения *спонтанны* и *эмоциональны*. Но при этом важно помнить, что в контексте они *не* взаимозаменяемы и каждое выступает как вариант выбора только по отношению к обычному, несегментированному.

§ 75. ДРУГИЕ ПОВЕРХНОСТНО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ

В беглой фамильярной и эмоциональной речи сегментированные варианты часто теряют некоторые служебные элементы. На этой основе в современном французском языке возникли некоторые «неканонические» конструкции, которые сегодня можно, видимо, рассматривать как самостоятельные модели, поскольку они регулярно воспроизводятся не только в устной речи, но и в литературе.

Одна из них называется двусоставным безглагольным предложением и соответствует формуле AS (предикатив — подлежащее) или — реже — SA:

Ni plus, ni moins utile, la mission. Ni plus ni moins lyrique, le langage qui la signifie. (*Saint-Exupéry*)

Ville en faillite, l'étincelante New York! (*Humanité*)

Ce demi-million — une goutte d'eau pour toi. (*Achard*)
L'Académie, un leurre, un mirage! (*Daudet*)

Очевидно, первые можно рассматривать как производные от c'est AS (C'est une ville en faillite, l'étincelante New York), а вторые — от S c'est A (Ce demi-million, c'est une goutte d'eau pour toi).

Две другие конструкции такого рода можно изобразить одной и той же формулой CSV:

Ça j'ai bien distingué. (*Boudard*)

Le whisky jamais je n'ai pris. (*Aymé*)

Deux mois, ça fait. C'est long. (*Sartre*)

Son père, il lui faut une livre de pain, lui un kilog il lui faut! (*Camus*)

Два первых примера отличаются от двух последних коммуникативной структурой и, в произношении, интонацией. В первых вынесенное в начало фразы дополнение является темой, а в последних — ремой. Первые восходят к сегментированному варианту 5а (Ça, je l'ai bien distingué), а вторые — к варианту 2а (C'est un kilog qu'il lui faut!). В некоторых случаях от варианта 2а остается след в виде элемента que: Un vrai temps de juillet qu'il fait!¹

Помимо этих конструкций, во французском языке имеется немало эллиптических моделей, которые реализуются как в повседневной речи, так и в письменно-литературной.

В отличие от только что упомянутых, они хорошо изучены; поэтому мы ограничимся здесь лишь самыми необходимыми замечаниями.

Следует различать коммуникативно двусоставные и коммуникативно односоставные эллиптические предложения. Первые содержат и тему, и рему, а вторые — только рему, либо (реже) только тему. К первым можно отнести и безглагольные двусоставные предложения, о которых говорилось в начале этого параграфа. Приведем здесь несколько примеров иной структуры:

Votre Valéry: il a admiré la mer, les jardins; pour le reste, un aveugle. (*Beauvoir*)

Les garçons, quel sommeil de plomb!

Tous les matins, une heure de maniement d'armes, une heure de rang serré et une heure de théorie sur le salut et les marques extérieures du respect. (*Bloch*)

Ясно, что каждое из этих предложений представляет собой вариант по отношению к «канонической», неэкспрессивной модели (ср.: ... pour le reste, c'est un aveugle).

Впрочем, первые два являются вариантами, причем стилистически маркированными, и по отношению к сегментированным, но неэллиптическим моделям (ср.: Les garçons, quel sommeil de plomb! — Les garçons, quel sommeil de plomb ils ont! — Les garçons ont un sommeil de plomb).

Коммуникативно односоставные эллиптические конструкции можно классифицировать по типу предметно-логического значения (наличие или отсутствие, качество, оценка и т. п.), по грамматическим характеристикам (т. е. по тому, что опущено, а что есть в наличии), по их употребительности. Для нас из этих трех аспектов наиболее важен последний; однако еще важнее, пожалуй, их коммуникативная характеристика, рематический или тематический характер.

Рематические составляют большинство, что легко объяснимо, — ведь именно рема несет новую информацию, ради которой предпринято высказывание. Именно они отражают наличие или отсутствие объекта, те или иные качества, свойства, оценки предметов и лиц, призывы и т. п.

Ah! C'est comme ça? Des gros mots et pas de galette?¹
Toujours tes peurs, tes idées noires. (*Ionesco*)

Une fois dans la classe d'avant j'avais été troisième, on ne sait pas pourquoi, un coup de veine, toutes les autres devaient être malades. (*Ch. Rochefort*)

Сюда же относятся многочисленные и разнообразные восклицательные формулы типа Miracle! Merveille! Crapule! Imbécile! и т. д. и т. п.

Такие предложения обладают одним важным свойством: их структурная неполнота легко восполняется, «недостающие» эле-

¹ В частности, можно порекомендовать подробное и точное описание таких моделей в книге Е. А. Реферовской и А. К. Васильевой (Цит. соч.— Ч. 2.— С. 56—76).

¹ Пример Балли. Galette — просторечный синоним argent.

менты поддаются восстановлению: *Des gros mots = Vous me dites des gros mots; Crapule = Tu es une crapule; Personne, nul signe de vie = il n'y avait personne et nul signe de vie.*

Тематические неполные предложения отличаются от рематических тем, что такого более или менее однозначного восполнения не допускают:

Ah, les salauds, ah les vaches! Me faire ça à moi.
(*Queneau*)

Jean était mon meilleur ami. Et ce revirement qui s'est produit sous mes yeux, sa colère! (*Ionesco*)

Votre panier... vos provisions! (*Ionesco*)

Me faire, ça, à moi, un marsouin, médaille militaire, six campagnes. Un sergent chef en père Noël! (*Bazin*)

Попытка дополнить любое такое высказывание в соответствии с ситуацией и контекстом всегда дает несколько равновероятных вариантов, ни один из которых, однако, не ощущается как вполне адекватный. Так, задавшись целью произвести такую операцию с последним примером, можно предложить такие продолжения: *Un sergent chef en père Noël! A-t-on jamais vu ça? Или: On aura tout vu! C'est la fin de tout! C'est inouï! C'est le comble! Mais ils sont complètement dingues!* С таким же успехом можно придумать еще какие-то более или менее удачные варианты, но одного-единственного, того, о котором можно было бы сказать: «Да, это то, что нужно!» — мы так и не найдем. Таким вариантом, собственно, и будет молчание, эллипсис. Причину этого мы разъясним ниже, в главе VI.

Как указывал еще Балли, эллиптическими по своему происхождению являются и такие давно зафиксированные в литературе конструкции, как *Et dire que...* (*Et dire que papa ne se doute de rien!*), *Et S qui...* (*Et mon lait qui se sauve!*) и даже предложения типа *Si j'étais roi!*¹

Приведенные примеры достаточно ясно дают почувствовать, что конструкции, названные в этом параграфе, аффективны, по крайней мере потенциально. Мы еще вернемся к ним в главе об аффективном синтаксисе.

Краткий обзор поверхностно-синтаксических вариантов, сделанный в последних трех параграфах, достаточно убедительно показывает, что представление о французской фразе как негибкой, однообразной, статичной основано на недоразумении. Недоразумение это объясняется, надо полагать, тем, что до сравнительно недавнего времени о французском синтаксисе судили в основном по литературе, в первую очередь классической, а литература, в свою очередь, лишь сравнительно недавно начала активно осваивать ресурсы живого, разговорного синтаксиса.

Б. Морфосинтаксические, морфологические и фонетические варианты

§ 76. СТИЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В СФЕРЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ВРЕМЕН

Если считать, что стилистика занимается такими вариациями, которые с точки зрения структуры данного языка представляются свободными, непредсказуемыми¹, то различия между глагольными временами во французском языке в большинстве случаев к стилистике прямого отношения не имеют. Собственно стилистических противопоставлений здесь немного. Упомянем важнейшие из них.

1. *Passé simple* (и производное от него *passé antérieur*) — *passé composé* (и производное от него *passé surcomposé*). Как известно, первое употребляется почти исключительно в письменной речи и в силу этого несет четкую книжную окраску. Второе же употребляется в устной речи и в ряде жанров письменной (например, в переписке, в газетах, часто в научной речи и т. п.) и в современном языке является стилистически нейтральным (тем более, что в письменных жанрах, которые используют *passé simple*, *passé composé* тоже употребляется, противопоставляясь первому как форма, выражающая недавно прошедшее действие, результаты которого актуальны для настоящего). Эта оппозиция в общем распространяется и на производные сложные времена, хотя *passé surcomposé* испытывает, кроме того, сильную конкуренцию со стороны *plus-que-parfait* (в речи образованных людей) и потому воспринимается как несколько просторечное.

Однако в говорах южной и западной Франции *passé simple* еще сохраняется в повседневном речевом обиходе и, в совокупности с другими диалектальными чертами, употребленное в разговоре, имеет локально-просторечную окраску.

2. *Imparfait du subjonctif* (и производное от него *plus-que-parfait du subjonctif*) — *présent du subjonctif* (и производное от него *passé du subjonctif*). Эта оппозиция имеет такой же характер, что и предыдущая: *imparfait* и *plus-que-parfait du subjonctif* практически не употребляются в обиходной устной речи, где они заменяются в соответствующих случаях *présent* и *passé du subjonctif*. В настоящее время *imparfait du subjonctif* в устной речи, как правило, — признак аффектации, о чем свидетельствует следующий пример:

Quand je vivais en France, je ne pouvais rencontrer un homme d'esprit sans qu'aussitôt j'en fisse ma société. Ah! je vois que vous bronchez sur cet imparfait du subjonctif. J'avoue ma faiblesse pour ce mode, et pour le beau langage en général. (*Camus*)

3. *Imparfait «pittoresque»* — *passé simple (passé composé)*. *Imparfait «pittoresque»*, как известно, вошел в моду во вто-

¹ Балли Ш. Французская стилистика. — С. 318

¹ См.: Степанов Ю. С. Французская стилистика. — С. 50.

рой половине XIX века, в частности, его очень широко употребляли братья Гонкур, Золя, Мопассан. Приведем один пример:

Au combat de Pordenone, déjà blessé, entouré par une masse de cavalerie ennemie et sommé de mettre bas les armes, il répondait à la sommation en ordonnant de charger l'ennemi, tuait de sa main un des cavaliers qui le menaçaient et s'ouvrait un passage avec ses hommes, lorsque, succombant au nombre, frappé à la tête de deux nouveaux coups de sabre, il tombait dans son sang et était laissé pour mort. (*les Goncourt*)

В эпоху своего возникновения imparfait «pittoresque» воспринимался как выразительный речевой прием, своего рода грамматическая метафора: форма imparfait, употребленная для выражения моментального по своей природе и однократного действия, давала эффект, сравнимый с эффектом стоп-кадра или ускоренной съемки в кино: «le procès en principe momentané apparaît comme ralenti et dilaté»¹.

Однако в дальнейшем широкое распространение этого приема не только в литературе, но и в языке средств массовой информации привело к тому, что метафора стерлась. Когда в выпуске последних известий говорят: Une demi-heure plus tard, l'avion atterrissait à l'aéroport de Tripoli, — никакого «художественного» эффекта на слушателя эта фраза не производит. Imparfait «pittoresque» стал синонимом passé simple. Его стилистическое значение — не просто «книжность», а именно «литературность».

4. Две формы conditionnel passé. Так называемая вторая форма — Voilà donc passé à jamais l'instant où, vingt ans plus tôt, une vie héroïque eût commencé pour moi! (*Stendhal*) — имеет ярко выраженную книжную и даже слегка архаическую окраску. По сравнению с ней первая форма нейтральна.

§ 77. ВАРИАТИВНОСТЬ В СФЕРЕ КАТЕГОРИИ ЛИЦА

Во французском языке вариативность в указанной сфере весьма широка и, как правило, стилистически значима, причем имеющиеся в языке узувальные варианты (синонимы) в ряде случаев имеют особые стилистические значения, более тонкие и специализированные, чем стилистические значения большинства единиц языка.

1. Первое лицо единственного числа, т. е. **субъект речи**, помимо наиболее обычного je и связанных с ним местоименных и глагольных форм, может обозначаться формами nous, on, а также существительным, сочетающимся с глагольными и местоименными формами третьего лица. Форма nous, употребленная для обозначения

единичного субъекта речи, имеет два основных значения — так называемые nous de majesté и nous de modestie. Первое является стилистически возвышенным и выражает высокую степень почтения субъекта речи к своему социальному рангу:

Nous, Louis quatorzième du nom, roi de France et de Navarre...

Nous, Préfet du Lot-et-Garonne, ordonnons ce qui suit.
Nous de majesté типично для официальных текстов.

Второе значение типично для книжной речи, в первую очередь для научных, но также и для художественных текстов, и выражает стремление затушевать личность говорящего¹:

Si la configuration de Clochemerle n'avait été ce qu'elle est, très probablement les faits que nous entreprenons de relater ne se seraient pas produits. (*Chevalier*)

Форма on, обозначающая субъекта речи, либо синонимична авторскому «мы»:

[...] rien ne pouvait faire espérer à nos concitoyens les incidents [...] qui furent [...] comme les premiers signes de la série des graves événements dont on s'est proposé de faire ici la chronique. (*Camus*)

либо обозначает мысленное включение субъекта в какую-то группу («я и те, кто со мной или кто подобен мне», «я, как и всякий на моем месте»):

Mais, à part lui, il songeait: «Ces gosses-là, ils méritent qu'on ne les perde pas de vue...» (*Martin du Gard*)

Существительное с глагольными формами третьего лица применяется для обозначения субъекта речи тогда, когда последний выступает не как личность, а как носитель социальной роли:

Néanmoins l'auteur ose espérer que même le linguiste pourra y découvrir au moins tel ou tel renseignement. (*Malmberg*)

2. Второе лицо единственного числа, т. е. **единичный адресат речи**, может обозначаться следующими формами: tu, vous, Monsieur (Madame, Mademoiselle) + 3-е лицо глагола², nous, on. Этот ряд в целом, и в особенности оппозиция tu — vous — M, обладает особой социальной и психологической значимостью, поскольку выбор того или иного способа обозначения адресата речи непосредственно отражает отношения между коммуникантами. Регулярно употребляющиеся формы tu, vous, M выражают, в частности, такие существенные параметры отношений между партнерами,

¹ О причинах возникновения этих, по существу, противоположных значений nous см.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974. — С. 268—269.

² В дальнейшем эту форму обращения мы будем обозначать символом M.

¹ Реферовская Е. А., Васильева А. К. Цит. соч. — Ч. 1. — С. 273.

как степень близости («свой — чужой») и иерархию социальных и (или) психологических рангов («высший» — «равный» — «низший»).

В общем форма *vous* сигнализирует, что субъект речи воспринимает адресата как «высшего» либо «равного» и (или) как «чужого», а *tu* — как «равного» либо «низшего» и (или) как «своего». При этом в современном языке противопоставление по степени близости важнее, чем иерархия рангов. Последнее не относится к форме *M*, чье основное значение — превосходство ранга адресата и дистанция, официальность отношений.

Социально-психологическое значение этих форм обращения более точно определяется тем, как партнеры обращаются друг к другу. Здесь возможны четыре случая: 1) *Vous* ⇌ *Vous*; 2) *Tu* ⇌ *Tu*; 3) *Vous* ⇌ *Tu*; 4) *M* ⇌ *Vous*. Основное значение первой комбинации обращений — официальность, т. е. наличие социально-психологической дистанции между собеседниками; в этом случае один из партнеров может быть и заведомо низшим:

Un jour, le sous-chef fit irruption dans le réduit en brandissant une lettre et il se mit à beugler:

— Recommencez-moi ce torchon! Recommencez-moi cet in-pommable torchon qui déshonore mon service! (*Aymé*)

Вторая комбинация выражает в первую очередь отсутствие социально-психологической дистанции между партнерами и характерна прежде всего для неформального, личностного общения; наиболее типичное соотношение рангов — равенство. Приводить примеры здесь нет надобности — их можно найти в любом современном романе.

В противоположность первым двум третья комбинация сигнализирует прежде всего определенное неравенство рангов и связанное с этим разное отношение каждого из коммуникаторов к партнеру: «высший» (тот, к кому партнер обращается на «вы») рассматривает «низшего» (того, к кому он обращается на «ты») как более или менее «своего»; «низший» же рассматривает «высшего» как не вполне «своего». В современном французском речевом обиходе такая форма обращения собеседников друг к другу выражает неравенство не столько социальное, сколько психологическое, чаще всего возрастное: взрослые к детям, как правило, обращаются на «ты», а в общении между взрослыми неравенство социальных рангов отражается в форме *vous* ⇌ *tu* обычно лишь тогда, когда старший по рангу является одновременно старшим по возрасту. Так, в романах Сименона комиссар Мегрэ постоянно обращается на «ты» к своим молодым сотрудникам, в то время как те говорят ему «вы»:

— Vous êtes à Paris, patron? ... Asseyez-vous.

— Dis donc, Lucas, est-ce que tu te souviens de Mimile?

Основное значение четвертой комбинации (*M* ⇌ *Vous*) — подчеркнутое неравенство рангов, которое необходимо предпо-

лагает социально-психологическую дистанцию между партнерами. Эта форма обращения употребляется почти исключительно между прислугой и хозяевами в богатых домах, а также в ресторанах, гостиницах, магазинах и т. п. между обслуживающим персоналом и клиентами. Вследствие этого сама форма *M* обладает специфической социально-жанровой окраской, которой остальные грамматические способы обращения к собеседнику лишены:

— Si Monsieur veut bien me suivre?

— Mademoiselle désire?

В отличие от только что разобранных форм обращения, которые обычно функционируют как постоянные в общении данных партнеров, *vous* и *on* употребляются для обозначения адресата лишь окказионально и выражают личностные и преходящие оттенки отношений. *Nous* как бы включает адресата в множество, другим элементом которого является сам говорящий; употребляя эту форму, субъект речи выражает свою солидарность, участие, нередко снисходительное или ироническое — поэтому *nous* употребляется преимущественно в обращении к младшим:

Savons-nous notre table de multiplication maintenant?
(*Grammaire Larousse du XXe siècle*)

Форма *on* в одних случаях (в личном общении) выступает как синоним *nous*, т. е. выражает то же отношение (*A-t-on été sage, aujourd'hui?*), а в других (в дистантном ролевом общении) — используется для обозначения безличного и обобщенного адресата, т. е. читателя:

Sur les familles de langues dans le monde, on consultera *Les langues du monde* (2e éd., 1952) de Meillet et Cohen. (*Malmberg*)

3. Для обозначения третьего лица, т. е. лица, не участвующего в общении, наряду с формами *il*, *elle*, используется (окказионально) форма *ça*, а также имена существительные, собственные и нарицательные. Здесь обнаруживаются две стилистически значимые оппозиции: *il* (*elle*) — *ça* и *il* (*elle*) — существительное. Употребление *ça* вместо *il* (*elle*) имеет фамильярно-просторечный характер и одновременно выражает пренебрежение к тому, о ком идет речь:

Un gosse de trois ans, ça n'a pas beaucoup d'identité. (*Ajar*).

Члены второй оппозиции противопоставлены по сходному признаку: употребление существительных в тех случаях, когда лицо, о котором идет речь, можно было бы без ущерба для смысла обозначить местоимением, выражает более почтительное отношение к этому лицу, чем употребление местоимения, и рекомендуется речевым этикетом, в особенности если это лицо присутствует при разговоре.

4. Во множественном числе вариативность средств выражения лица меньше и играет менее важную роль в общении. Первое лицо множественного числа, т. е. субъект речи плюс «не четко определенное множество других лиц»¹, помимо канонического *vous*, обозначается неопределенно-личным *on*; такое употребление наиболее характерно для просторечия и фамильярной речи. *On* употребляется также как субститут формы второго лица множественного числа; в этом случае его стилистическое значение аналогично значению *on* в обращении к единичному собеседнику. Кроме того, для обращения к коллективному адресату используется форма *M*: *ces messieurs, ces dames, ces demoiselles, ces messieurs-dames*.

— *Qu'est-ce que boivent ces messieurs-dames? demandat-elle.*

— *Une bouteille de rouge, dit Philippe. (Vailland)*

В целом, как видно из всего сказанного в этом параграфе, в сфере выражения категории лица вариативность имеет отчетливую социально-психологическую значимость — стилистически значимые варианты (синонимы) выступают здесь как подлинно социальные знаки, выражающие различные аспекты отношений между людьми, в первую очередь, наличие или отсутствие социально-психологической дистанции и иерархию рангов.

§ 78. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В УПОТРЕБЛЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Как и в сфере глагола, эта вариативность ограничена. Чаше всего, говоря о «стилистических ресурсах существительного», исследователи описывают грамматические значения форм и их использование в художественной литературе — например, «обыгрывание» грамматического рода при олицетворении или противопоставления типа *l'honneur — les honneurs, la liberté — les libertés* и т. п.². Ясно, что к стилистике языка это прямого отношения не имеет.

Как и в предыдущих параграфах, мы укажем здесь только те возможности выбора из числа существующих форм, которым действительно можно приписать потенциальное стилистическое значение. К категориям, способным породить последнее, относятся род, число и способ актуализации (т.е. артикль и прочие детерминативы).

1. **Грамматический род.** Наиболее существенный для стилистики языка вид вариативности в этой области — это расхождение между грамматическим родом некоторых существительных в просторечии и в литературной норме. Как правило,

¹ Бенвенист Э. Цит. соч. — С. 269.

² См., например: Морен М. К., Тетеревникова Н. Н. Цит. соч.; Пиотровский Р. Г. Цит. соч.

это существительные, начинающиеся с гласного звука, поскольку их род не сигнализируется или слабо сигнализируется артиклем. При этом просторечие, как правило, приписывает женский род словам мужского рода. А. Бош приводит список из нескольких десятков таких слов; среди них: *âge, aig, alcool, appel, après-midi, argent, élastique, éventail, exercice, héritage, hôtel, incendie, obstacle, orage, ouvrage, usage*¹.

Некоторые существительные в просторечии меняют род при изменении пола означаемого лица: *un espèce de vaurien; cet homme est un andouille*².

Второе, что надо отметить, это вариативность в способах наименования женщин, занимающихся некоторыми видами деятельности, которые раньше считались исключительно мужскими: *le docteur — la doctoresse, le peintre — la peintresse, l'auteur — l'auteresse*. Здесь формы женского рода, образованные путем суффиксации, воспринимаются как несколько фамильярные; ни в обращении, ни в официальной речи они не употребляются. В случае необходимости уточнить пол лица, о котором идет речь, к форме мужского рода можно добавить компонент *femme*: *femme-médecin, femme-écrivain*³.

2. **Число.** Обычно, говоря о стилистических ресурсах категории числа, исследователи останавливаются прежде всего на употреблении абстрактных существительных во множественном числе, характерном для прозы второй половины XIX века:

[...] *les silences de Salmon n'inquiétaient plus personne, dans l'attente profonde et muette de tous. (Zola)*⁴

Однако своеобразие подобных предложений заключается не в употреблении множественного числа, а прежде всего в том, что они реализуют производные синтаксические модели, образованные в результате таких трансформаций, которые затрагивают всю семантико-синтаксическую структуру исходного предложения (см. выше, § 69—72). Оценивая стиль приведенной здесь фразы Золя, мы должны сопоставить ее в целом с предложением, реализующим исходную структуру. Это предложение можно сформулировать так:

Salmon ne disait toujours rien, mais cela n'inquiétait personne, car tout le monde se taisait et attendait.

Таким образом, существительное со значением действия здесь выступает как подчиненный компонент производной структуры, а множественное число выражает видовую характеристику.

¹ *Bauche H. Le langage populaire.* — 4e éd. — P.: Payot, 1946; см. также: *Durand M. Le genre grammatical en français parlé à Paris et dans la région parisienne.* — P., 1936.

² См.: *Доза А. История французского языка.* — М.: Изд-во иностр. лит., 1956. — С. 284.

³ См.: *Штейнберг Н. М. Грамматика французского языка.* — Ч. I. — Л.: Просвещение, 1972. — С. 16—17.

⁴ Пример М. К. Морен и Н. Н. Тетеревниковой. Об этом см. также: *Gressol M. Op. cit.: Пиотровский Р. Г. Цит. соч.*

тику этого действия, а именно многократность, итеративность (как справедливо отмечают упомянутые авторы). Но стилистически маркировано не множественное число, а структура в целом.

Если же говорить о стилистической вариативности употребления единственного и множественного числа существительных как о самостоятельном явлении, то следует, видимо, признать, что она ограничивается метонимическим по своему характеру использованием единственного числа для обозначения некоторого множества. Такое использование единственного числа характерно, в первую очередь, для литературного портрета:

[...] cinquante ans bien sonnés, mais râblé, les dents saines, l'œil frais comme un gardon et le poil qui tient dru au cuir, quoique grison. (Rolland)

Особенно часто употребляются таким образом существительные *œil*, *cheveu*, *pied*, *jambe*.

Единственное число употребляется также для обозначения группы, чаще всего людей определенной национальности:

L'Espagnol aime la musique qui fait danser; l'Italien, la musique qui, en peignant les passions, redouble le feu de celle qui le dévore. (Stendhal)

Такое употребление имеет еще более литературный характер, чем предыдущее.

3. **Способ актуализации.** Вопреки распространенному мнению, собственно стилистические ресурсы французского артикля весьма ограничены. Так, например, постоянно цитируемая лингвистами фраза «Il vient de mougir un homme qui faisait honneur à l'homme» к стилистике языка имеет лишь косвенное отношение как частный случай эстетического использования грамматической оппозиции (ср.: Il faut se soumettre ou se démettre).

Ясно, что в этой области, как и во всех остальных, стилистика начинается там, где есть выбор, хотя бы чисто теоретический. Способы актуализации имени в современном французском языке достаточно разнообразны (артикли, притяжательные и указательные прилагательные и т. д.), но в тех случаях, когда ситуация не диктует однозначно употребление какого-то одного из них, выбор определяется чаще всего отнюдь не теми факторами, которые лежат в основе стиля. Непосредственное отношение к стилистике в сфере актуализации имени имеют лишь два противопоставления.

1) Употребление артикля (норма) — неупотребление артикля в некоторых свободных сочетаниях:

C'est à toi que je parle, trogne belle en couleurs... au long nez bourguignon et planté de travers, comme chapeau sur l'oreille... (Rolland)

N'est-ce pas grande folie? (Rolland)

Неупотребление артикля в подобных случаях придает стилю высказывания несколько архаический характер.

2) Неупотребление артикля (норма) — употребление артикля (определенного) при антропонимах (именах людей):

— Qu'est-ce que tu rapportes, Lormel? [...]

— Pas grand-chose, avoua le vieux. L'Augustine et l'Adrienne...

— [...] t'ont tout raflé, évidemment! (Bazin)

Употребление артикля имеет явно просторечную окраску.

§ 79. ГРАММАТИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ФУНКЦИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В принципе сочетание существительного с прилагательным (атрибутивную конструкцию) можно рассматривать как результат номинализации предложения (предикативной конструкции), в котором существительное играет роль подлежащего, а прилагательное выступает как предикатив или иной член предложения, подчиненный сказуемому. С этой точки зрения фраза *Lord Peterson m'a apporté comme cadeau un ravissant petit chien*. (Maurois) является стяжением в одну двух фраз: 1) *Lord Peterson m'a apporté comme cadeau un chien*; 2) *Le chien était petit et ravissant*. Между фразой, взятой из текста, и этими двумя, на которые мы ее разложили, существует отношение денотативной эквивалентности. Ср. еще: *Langages est une revue trimestrielle = Langages est une revue; cette revue paraît tous les trois mois*.

Ясно, что такое преобразование затрагивает не только поверхностную структуру предложения и относится к тем, о которых мы говорили выше, в § 69—72. В дальнейшем (глава VII) мы увидим, что выбор атрибутивной или предикативной конструкции имеет первостепенное значение для стилистики; однако в этом разделе мы их рассматривать не будем.

К глубинно-синтаксической синонимии относятся и соответствия типа $N + Adj = N_{Adj} + de N$: *Il admirait sa beauté éclatante = Il admirait l'éclat de sa beauté...* (Fénélon)

Такие конструкции представляют собой частное проявление общей тенденции, называемой *субстантивным стилем* (см. выше, § 70), и широко представлены во французской прозе второй половины XIX века¹.

Синонимами прилагательного в более узком смысле слова следует считать:

1) несогласованное определение (*habits dominicaux — habits du dimanche; oiseau nocturne — oiseau de nuit; soucis familiaux —*

¹ См. многочисленные примеры у М. К. Морен и Н. Н. Теревниковой (Цит. соч. — С. 212—213).

soucis de famille; confiance illimitée — confiance sans limite);

2) адъективированное существительное (la bordure orientale de la forêt — la bordure est de la forêt, question pécuniaire — question argent);

3) определительное придаточное (revue trimestrielle — revue qui paraît tous les trois mois; un ravissant petit chien — un chien qui est petit et ravissant).

Примеры показывают, что эти способы выражения не образуют единого синонимического ряда. Это происходит потому, что те прилагательные, которые могут заменяться несогласованными определениями, не имеют соответствий в виде адъективированных существительных. Вообще адъективированные существительные соотносятся главным образом не с прилагательными, а с несогласованными определениями и возникают там и тогда, когда образовать прилагательное по каким-то причинам невозможно или неудобно (ср.: salon Second empire — salon du (dans le style du) Second empire). При этом разница здесь не столько в стилистическом значении, сколько в степени обобщенности: architecture Renaissance относится к architecture de la Renaissance, как amour paternel относится к amour du père¹. Что касается стилистической характеристики, то приписать ее модели в целом в этом случае нельзя: fauteuil Louis XV или timbre-poste абсолютно нейтральны, а chemise coton или nuance mode тяготеют к языку торговой рекламы.

Далее, качественные прилагательные практически не находят соответствий среди несогласованных определений, с ними могут конкурировать только определительные придаточные. О потенциальном стилистическом значении той и другой модели будет сказано ниже, в главе VII.

Короче говоря, в каждом конкретном случае возможности выбора, которые язык предоставляет говорящему, ограничены: число вариантов практически не превышает трех (habits dominicaux — habits du dimanche — habits qu'on met le dimanche). И если не говорить о стилистической разнице между атрибутивной и предикативной конструкциями, то стилистическое значение можно приписать только относительным прилагательным, с которыми конкурируют несогласованные определения: как указывает Ю. С. Степанов, такие относительные прилагательные имеют книжную окраску, по сравнению с ними несогласованные определения нейтральны.

§ 80. СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ

В современном французском языке словоизменительных вариантов, допускаемых литературной нормой, ничтожно мало. В системе личных форм глагола только *rouvoig* имеет две узаконенные формы (в 1-м лице единственного числа настоящего

¹ См.: Степанов Ю. С. Французская стилистика. — С. 88—94.

времени индикатива): *je peux* — общераспространенная, нейтральная и *je puis* — несколько архаичская, книжная. Существуют, как известно, также некоторые колебания в правилах согласования причастий: так, например, в сочетаниях типа *Les années que j'ai vécues au front* причастие глагола *vivre*, по мнению ряда грамматистов, следует согласовывать с предшествующим ему прямым дополнением; однако Мориак пишет: *Quelles heures il avait vécu*. Впрочем, приписать какое бы то ни было стилистическое значение этим вариантам нельзя.

Нормативные колебания обнаруживаются и в образовании множественного числа некоторых имен на *-al*. Например, слово *idéal* (существительное), согласно словарю французской Академии, имеет множественное число *idéaux* в языке философии и математики; но в литературной критике, в этике и в эстетике скорее говорят и пишут *idéals*.

Все эти случаи носят в общем единичный характер и большого интереса для нас не представляют. Более существенными для стилистики языка являются такие словоизменительные варианты, которые представляют собой отклонения от нормы. Поскольку в области грамматики французская национальная норма в общем четко фиксирована (за исключением отдельных случаев), всякое отклонение воспринимается как грубое нарушение. Отсюда просторечный характер тех морфологических вариантов, которые будут здесь названы (естественно, что мы назовем только самые распространенные).

1. **Ненормативные варианты образования глагольных форм.** Наиболее распространенный из них — спряжение местоименных и непереходных глаголов типа *aller, venir, partir* и т. п. с глаголом *avoir*:

Je m'ai sauvé. (Bazin)
Le Noir s'a déferré. (Lanoux)

Как относительно частое явление отмечают также выравнивание парадигм некоторых глаголов по той или иной основе; например: *j'avons, je vas, je boiverai, je voirai, elle se décolte* (вместо *se décollette*) и т. п.

— *Mi, j'vas au cinéma, ce soir, dit Mathias, un farceur d'Anzin, contrebandidier en temps de paix. (Lanoux)*

2. Сходные явления наблюдаются в образовании женского рода некоторых имен. Так, существительное *témoign*, не изменяемое в норме, в просторечии получает женский род *la témouigne*; прилагательное *malin (f maligne)* образует женский род по аналогии с мужским: *maline*. Наоборот, некоторые другие прилагательные, у которых женский род образуется путем изменения конечного согласного, форму женского рода теряют — таковы, например, *sec* и *vif*.

3. Формы единственного и множественного числа существи-

тельных на **-al** также подвергаются унификации. Здесь возможны два варианта: *le cheveu, l'hôpital* и *les chevaux, les hôpitals*. В современной просторечии второй распространен значительно шире.

4. В просторечии **оппозиция относительных местоимений qui и que** нередко нейтрализуется:

- *Qué guérisseux?*
- *L'guérisseux qu'a guéri mon pé.*
(*Maupassant*)

5. К словоизменительным морфологическим вариантам можно условно отнести и **однокомпонентное отрицание** при глаголе-сказуемом, т. е. опущение отрицательной частицы *ne*:

Dédé, cettè fille-là, c'est pas une bonniche, c'est pas une fille qu'on emballe au Tango de la rue des Gravilliers ... (*Fallet*)

Hésitez pas les gars, une occasion unique. (*Queneau*)

Это явление настолько широко распространено в разговорной речи, что, в отличие от предыдущих, должно рассматриваться не как просторечное, а как фамильное, тем более что его можно отнести (как это и делают, в частности, М. К. Морен и Н. Н. Тетеревникова) не к морфологии, а к фонетике. Действительно, ослабление, а затем и выпадение частицы *ne*, обусловленное ее безударной позицией и информационной избыточностью, имеет место, как правило, в быстрой, небрежной речи; в речи же более медленной, протекающей в рамках преимущественно ролевого, официального общения, она обычно восстанавливается.

6. Такой же характер имеет **выпадение безличного il** в таких оборотах, как *il faut, il vaut mieux, il y a*:

— *Faut pas te sauver, je te ferai pas de mal.*
(*Queneau*)

— *Mais y a rien de changé, hein? Tu bouffes toujours à la maison?* (*Fallet*)

Наконец, к этой группе морфологических вариантов можно отнести и чисто просторечные формы вопросительного оборота *est-ce que* (см. выше, § 73).

§ 81. СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Эти модели подробно описываются в лексикологии. Поэтому мы ограничимся здесь краткой сводкой.

1. **Суффиксальное образование.** Хотя французский язык в этом отношении намного беднее не только русского, но и других романских, стилистически маркированные модели образования имен и глаголов в нем все же довольно многочисленны.

Из суффиксов имен наиболее продуктивен **-ard**, придающий слову, как правило, уничижительную окраску: *flicard* (<*flic, fam.* 'полицейский'), *clébard* (<*clebs, arg.* 'chien'), *cornard* ('cocu'), *flemmard* ('paresseux'), *chauffard* ('шофер-лихач'), *binoclard* ('очкарик') и т. д. В силу закономерности, о которой мы говорили в главе III (§ 37), большинство образований с этим суффиксом характеризуется большей или меньшей стилистической сниженностью — от фамильярности до арготической окраски. О продуктивности суффикса свидетельствуют многочисленные новообразования и, в частности, так называемые речевые неологизмы: *bésiclard, pellicular* ('фильмач'), *préentiard, zonard* ('habitant de la zone' — *banlieue parisienne*), *taulard* (<*taule, pop.* 'prison'), *philosophard* и другие¹.

Однако в языке существуют слова — и немало, — образованные посредством этого суффикса, но стилистически вполне нейтральные: *étendard, billard, brancard, canard* и др. Это характерно вообще для большинства стилистически маркированных словообразовательных моделей и свидетельствует о нерегулярности их действия.

Перечислим некоторые другие суффиксальные модели образования имен:

-aille: *valetaille, flicaille, prêtraille, piétaille, politicaille, filmaille, rimaille, philosophaille, mangeaille.*

Общее значение — собирательность с уничижительной окраской (ср. русск.: матросня, дворня, бабье).

-asse: *homasse, blondasse, paperasse, mollasse.*

Общее значение — уничижительность.

-et (-ette), -ot (-otte), -elet (-elette), -illon (-illonne), -chon (-ichonne): *sœurette, maisonnette, pâlot, vieillot, frêrot, maigriot, maigrelet, aigrelet, négriillon, oisillon, maigrichon.*

Общее значение — уменьшительность, чаще всего с элементом положительной оценки². Однако контекстуальное стилистическое значение образованного по этой модели слова может быть иным — это зависит от семантики производящей основы и, естественно,

¹ Примеры речевых неологизмов здесь и далее заимствованы из диссертационной работы С. С. Семеновы «Речевые неологизмы и их стилистические функции в современной французской прозе».

² «Ceux [les suffixes] qu'on appelle «diminutifs», parce qu'ils ont pour effet de suggérer en raccourci l'idée du mot auquel ils s'accolent, joignent d'ordinaire à cette valeur un sentiment de joliesse, de préciosité, ou bien de tendresse, de sympathie, de pitié: *une maisonnette, un jardinet*, ne sont pas seulement une maison ou un jardin de dimensions modestes; le suffixe **-et, -ette** y joue vraiment le rôle d'un morphème de sentiment. La morphologie concourt ici à l'expressivité autant que pourrait le faire le vocabulaire par l'emploi d'une épithète, comme: *ma petite maison, mon pauvre petit jardin*» (*Vandryès J. Le langage.* — P., 1921. — P. 166-167, см. также: *Dubois J. Etude sur la dérivation suffixale en français moderne et contemporain.* — P., 1962. — P. 81).

от контекста. Так, *parlotte* означает 'болтовня', 'говорильня'; *chiot* — 'щенок', *jugeotte* — 'соображение', 'здравый смысл', скорее с уничижительным оттенком.

К упомянутым моделям, обслуживающим язык в целом, следует добавить несколько таких, которые специфичны для аргю; например: **-ouse** (*barbouse* < *barbe*, *langouse* < *langue*, *piquouse* < *picure*), **-oche** (*patoche* < *patte*, *santoche* < *santé*, *valoche* < *valise*), **-ingue** (*salingue* < *sale*, *sourdingue* < *sourd*, *lourdingue* < *lourd*), **-mard** (*épïcemard* < *épïcier*, *officemard* < *officier*).

Стилистически маркированные глагольные суффиксы выражают идею многократности и ослабленности действия; отсюда, опять-таки в зависимости от семантики производящей основы, — положительная, отрицательная или нейтральная оценка. Назовем наиболее употребительные из них:

- oter: *vivoter*, *tapoter*, *trembloter*, *toussoter*, *buvoter*, *pianoter*;
- ailler: *rimailler*, *criailler*, *courailler*, *tirailler*;
- iller: *mordiller*, *boitiller*;
- onner: *mâchonner*, *griffonner*, *chantonner*;
- asser: *rêvasser*, *écrivasser*, *buvasser*, *traînasser*.

2. **Префиксальное образование.** Здесь стилистически маркированными являются в первую очередь «ученые» префиксы, выражающие интенсивность качества или превосходство предмета:

- archi-**: *archifaux*, *archiplein*, *archiconnu*, *archicomble*;
- hyper-**: *hypersensible*, *hypersot*;
- extra-**: *extra-fin*, *extra-souple*;
- ultra-**: *ultrarapide*, *ultraréactionnaire*, *ultraconfidentiel*, *ultramoderne*;
- super-**: *super-vedette*, *super-fin*, *supersensible*;
- mini-**: *mini-jupe*, *mini-cassette*, *mini-majorité*, *mini-sondage*.

К ним можно добавить префикс **non-**: *non-ingérence*, *non-agression*, *non-conformisme*, *non-allégeance* и т. д. и т. п.

Их исконная среда — научная, специальная терминология. Однако за последние десятилетия эти префиксы широко распространились в языке средств массовой информации и рекламы, где они сочетаются уже с иными производящими основами и придают слову иное стилистическое значение, главный компонент которого можно, по-видимому, определить как «модность». Часть таких образований принадлежит политическому словарю (*non-ingérence*, *non-agression* и др.), другие — газетной речи, третьи — языку рекламы; наконец, некоторые из них стали настолько употребительными, что воспринимаются как стилистически нейтральные. Последнее относится прежде всего к словам с префиксом **archi-**.

Против злоупотребления подобными образованиями неоднократно выступали как лингвисты, так и писатели. Приведем отрывок из книги П. Даниноса «*Vacances à tout prix*».

L'ère du super. Le symbole de ce temps étrange, qui semble rajeunir sans cesse les hommes tout en les faisant vieillir, c'est le super. A peine une chose est-elle née qu'on apprend qu'elle est détrônée par une superchoses. Super-production, super-sabre, super-Constellation, super-de-luxe télévision... Nous allons vers l'époque où l'on fabriquera des avions en matière plastique pour les mettre chaque mois dans un nouveau moule, vers l'avion sans ailes, le cigare volant, l'homme aérodynamisé, le super-homme, le super-man radioguidé¹.

Другое стилистически маркированное явление в этой области характерно для просторечия. Оно состоит в том, что префикс **re-** как бы склеивается с основой некоторых употребительных глаголов, теряя при этом свое значение повторности, — так происходит, например, с глаголами *rentrer*, *rajouter*, *réchapper*, которые в просторечии употребляются, как правило, в значении *entrer*, *ajouter*, *échapper*. Об этом свидетельствуют, в частности, случаи вторичной префиксации при необходимости выразить повторность действия:

Il en sort et puis il y reentre. (*Queneau*)

3. **Удвоение основы или слова-повторы**². Наиболее известные и употребительные принадлежат так называемому детскому языку, т. е. тому особому словарю, к которому прибегают взрослые, обращаясь к детям (сами дети усваивают его именно от взрослых)³. Таковы *lolo* ('lait'), *toutou* ('chien'), *dada* ('cheval'), *dodo* (*faire dodo* 'dormir'), *lolos* ('seins'), *joujou* ('jouet'), *caca*, *pipi*.

Многие переходят в просторечие и фамильярную речь: *manan*, *papa*, *tata*, *tonton*, *pépée* ('poupée'), *nanan* ('c'est du nanan! 'c'est bon à manger'), *mimi* ('mignon'), *titi* ('gamin de Paris').

Наконец, по этой модели просторечие, фамильярная речь и аргю создают свои собственные выражения: *gaga* ('gâteaux'), *gnan-gnan* ('nonchalant'), *le jaja* ('vin'), *mollo-mollo* ('doucement'), *le gogo* ('personne crédule'), *à gogo* ('tant qu'on veut'), *grasra* ('grasseux') и многие другие.

4. **Сокращения.** Обычно считается, что сокращения возникают под действием принципа экономии в языке и затрагивают выражения, «превышающие нормативную длину и часто

¹ *Daninos P. Vacances à tout prix.* — P.: Hachette. — P. 85.

² Подробнее об этом явлении см.: *Pohl J. Nocus Pocus, hurluberlu, tutu, Tutur et tic tac* // *Revue de l'Université de Bruxelles*, 17e année, février-avril 1965; а также: *Штейнберг Н. М. Редупликация в современном французском языке.* — Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.

³ *Фергюсон Ч. Автономная детская речь в шести языках* // *Новое в лингвистике.* — М.: Прогресс, 1975. — Вып. 7.

повторяющиеся»¹. «Если данный объект упоминается довольно часто, экономичнее придать ему короткое обозначение, даже если оно окажется дополнительной нагрузкой для памяти»². Однако, по-видимому, процессу сокращения слов способствует и социально-психологическая тенденция к символизации групповой общности и обособлению групп, — тенденция, лежащая в основе всех профессиональных и групповых жаргонов. Не случайно сокращения так многочисленны в аргю и в жаргонах.

Следует различать сокращения, приводящие к усечению отдельного слова, и буквенные сокращения (*sigles*), обозначающие, как правило, словосочетания. Буквенные сокращения характерны для специализированных подъязыков (различных научных дисциплин, подъязыка административных документов, военного подъязыка и т. п.) и имеют терминологическую окраску. Лишь сравнительно немногие проникают в общий язык, таковы, например, PCF (*Parti Communiste Français*), URSS, ONU (*Organisation des Nations Unies*), UNESCO (англ. *United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization*), OTAN (*Organisation du Traité de l'Atlantique Nord*), т. е. наиболее распространенные политические термины, названия стран, организаций и т. д. Буквенные сочетания другой семантики получают широкое распространение гораздо реже, например: les WC (*les vécés*), le P.D.G. (*le président-directeur général*), HLM (*habitation à loyer modéré*), OS (*ouvrier spécialisé*).

Среди сокращенных слов выделяются следующие три группы:

1) слова, ставшие общераспространенными и стилистически нейтральными: le métro, le cinéma, la radio, l'auto, le vélo, le stylo, le taxi, le pneu, la dactylo, la météo, etc;

2) широко распространенные фамильярные и просторечные: le ciné, la sana (*sanatorium*), sympá (*sympathique*), formid (*formidable*), sensass (*sensationnel*), l'occasse (*occasion*), le métal-lo, le cheminot (*employé des chemins de fer*), l'apéro (*apéritif*), le proprio (*propriétaire*), l'imper (*imperméable*);

3) жаргонные и арготические (последние в конце списка): le prof, la récré, l'amphi (*amphithéâtre*), le bac, l'agreg (*agrégation*), les mathélèmes (*mathématiques élémentaires*), le labo (*laboratoire*), la fac (*faculté*), la compo (*composition*), la géo (*géographie*), la gym (*gymnastique*), la philo (*philosophie*); le colon (*colonel*), le lieute (*lieutenant*), le para (*parachutiste*), le pitaine (*capitaine*), le sous-off (*sous-officier*), la perme (*permission*); le mat' (*matin*), régul (*régulier*), la soce (*société*), l'hivio (*hiver*), le mendigo (*mendiant*), le beau' (*beau-frère*).

¹ Степанов Ю. С. Французская стилистика. — С. 74.

² Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. — М.: Изд-во иностр. лит., 1963. — Вып. 3. — С. 534.

§ 82. О СТИЛИСТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ¹

Поскольку фразеологизмы (по крайней мере те, которые относят к фразеологическим сращениям и фразеологическим единствам) суть лексические единицы, нередко эквивалентные простому слову, структурные модели, по которым они образованы, можно сблизить со словообразовательными моделями и поставить вопрос об их потенциальных стилистических значениях. Однако в первую очередь, видимо, надо поставить вопрос о фразеологичности вообще как своего рода «супер-модели» (дурной пример заразителен!) образования лексических единиц. Имеет ли какие-то определенные стилистические свойства всякая лексическая единица, оформленная не как отдельное слово, а как фразеологизм, в частности, по сравнению со своим однословным эквивалентом (если таковой имеется)?

Однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Все зависит в первую очередь именно от того, есть ли у фразеологизма однословный эквивалент и, если есть, то насколько он употребителен. Так, многочисленные глагольные фразеологизмы (*avoir faim, chaud, peur, raison, tort, pitié, besoin; prendre froid, peur, garde, soin, pitié, patience, part; faire la cour, la guerre, (la) grève, sa carrière, naufrage, mine; (se) mettre (être) en grève, en colère, en fuite, en difficulté, en retard* и многие другие) либо вовсе не имеют однословных эквивалентов, либо, даже имея таковые, выступают как наиболее употребительные средства выражения соответствующих понятий, т. е. как доминанты синонимических рядов; доминанты же, как известно, имеют нулевое стилистическое значение. Так, например, *mettre en prison* выступает как стилистически нейтральное по сравнению с *emprisonner* — словом, скорее, книжным и тем более *incarcérer* — явно книжным и терминологическим, так же, как и по сравнению с фамильярным *coffrer*.

Иначе обстоит дело в тех случаях, когда фразеологизм имеет распространенный эквивалент, не обязательно даже однословный. Например:

mettre à sac — piller
mettre fin (trans.) — faire cesser
rebrousser chemin — revenir (en arrière)
faire fausse route — s'égarer, se tromper
prendre femme — se marier

¹ О фразеологизмах во французском языке см.: Балли Ш. Французская стилистика. — § 80—100; Guiraud P. Les locutions françaises // Coll. Que sais-je? — P.: PUF, 1961; Гак В. Г., Рецкер Я. И. О французской фразеологии и французско-русском фразеологическом словаре // Французско-русский фразеологический словарь. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963; Левит З. Н. К проблеме аналитического слова в современном французском языке. — Минск: Высш. школа, 1968; Тимескова И. Н., Тархова В. А. Лексикология современного французского языка (на франц. языке). — Л.: Просвещение, 1961; Степанов Ю. В. Французская стилистика. — § 65—67. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. — М.: Высшая школа, 1976.

fermer la bouche } — faire taire
 clouer le bec }
 il y a beau temps } — il y a longtemps
 il y a belle lurette }
 prêter la main — aider
 tourner les pouces — ne rien faire
 tourner de l'œil — 1) mourir; 2) s'évanouir
 se payer la tête — se moquer

Представленные в левой колонке фразеологизмы имеют различные стилистические значения, так, например, *prendre femme* — архаизм; *mettre à sac* — скорее, книжное выражение; *tourner les pouces*, *clouer le bec*, *se payer la tête* — фамильярные; *tourner de l'œil* — просторечное. Однако всем им, в той или иной степени, присуще то особое качество, которое выше, в § 46, мы назвали внутренней экспрессивностью. Напомним, что эта экспрессивность связана в первую очередь с образностью и, шире, с мотивированностью знака, подлинной или мнимой. Из приведенных здесь выражений далеко не все воспринимаются как образные и не все даже являются образными по своему происхождению. Пожалуй, наиболее четко некоторая остаточная образность ощущается в *tourner de l'œil*, выражении метонимического происхождения, и *clouer le bec* — стершейся от постоянного употребления метафоре, да и то, главным образом, если рассматривать их сами по себе, а не в потоке речи. Однако все они, по сравнению со своими абстрактными и немотивированными эквивалентами из правой колонки, воспринимаются как конкретные и мотивированные¹, а следовательно, и экспрессивные.

Ясно, что эта мотивированность и эта экспрессивность тем больше, чем живее образ, лежащий в основе фразеологизма. В принципе все фразеологизмы образного происхождения являют собой примеры более или менее стершихся образов. Однако эта образность может возродиться при употреблении фразеологизма в необычном контексте, при сочетании двух или более фразеологизмов, основанных на противоречащих друг другу образах, а также при развертывании, реализации образа. Шарль Балли приводит в качестве примера рисунок в юмористическом журнале, на котором изображен наездник, перелетающий через голову лошади; под рисунком подпись: «*Quand un cheval a plein le dos de son cavalier, il n'est pas rare qu'il en ait par-dessus la tête*»². *Avoir plein le dos de quelque chose* и *en avoir par-dessus la tête* — фразеологизмы-синонимы, оба несколько фамильярные, означающие, что лицо или предмет, обозначенный дополнением, очень надоед субъекту. «Взятые по отдельности,—

¹ Lévyte S. N. Cours de lexicologie française.— Минск: Изд. Министерства высшего, среднего специального и проф. образования БССР, 1963.— С. 63.

² Балли Ш. Французская стилистика.— С. 232.

пишет дальше Балли,— они не создают комического эффекта... Однако их сочетание в одной фразе воскрешает давно стершийся образ; стремясь соединить в одно целое эти элементы, говорящий тотчас же замечает несовместимость — отсюда комический эффект»¹. К этому надо добавить, что воскрешению стершихся образов здесь в не меньшей степени способствует и тот факт, что дословное значение обоих фразеологизмов реализовано в рисунке и вполне соответствует ситуации: *le cheval a plein le dos de son cavalier* et *il l'a par-dessus la tête*.

Еще один пример. В миниатюре Жюль Ренара «*Le crapaud*» (из сборника «*Histoires naturelles*»), где речь идет о вполне реальной жабе, мы читаем:

Puis je dompteraï un reste de dégoût, et je te caresserai de ma main, crapaud!

On en avale dans la vie qui font plus mal au cœur.

Здесь обыгрывается образный (по происхождению) фразеологизм *avalier un crapaud* ('проглотить пилюлю'), причем антецедентом местоимения *en*, представляющего своего компонента *crapaud* в составе фразеологизма, выступает слово *crapaud* из предыдущей фразы, употребленное в своем свободном и прямом значении. В результате реальная жаба приобретает второй, символический смысл, а метафорическая жаба конкретизируется, мертвый образ оживает.

Пародийный пример сочетания в одной фразе противоречивых образных клише есть в речи одного из персонажей «Бани» Маяковского: «Сквозь щупальца мирового империализма красной нитью проходит волна...».

Конечно, все эти факты не имеют прямого отношения к стилистике языка, они упомянуты здесь только для того, чтобы подтвердить положение о потенциальной экспрессивности фразеологизмов, которая в определенных условиях может проявиться в речи. Однако эту экспрессивность не следует преувеличивать, к чему, в частности, склонны иностранцы, изучающие французский язык². В остальном же фразеологизмы — лексические единицы и, как всякие лексические единицы, могут иметь самые различные стилистические значения.

§ 83. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗМЕНЕНИЕМ ЗВУКОВОГО И (ИЛИ) ГРАФИЧЕСКОГО ОБЛИКА СЛОВА

Говоря о лексических вариантах, связанных с изменением звукового облика слова, т. е. о вариантах произношения, нужно различать два случая:

¹ Балли Ш. Французская стилистика.— С. 232.

² Такое преувеличение — частный случай того, что Балли называл «тенденцией к этимологизации» (*instinct étymologique*, в подлиннике) и против чего он настойчиво предостерегал как учащихся, так и учителей.

1) варианты, возникающие как следствие каких-то общих фонетических тенденций, которые проявляются не только в данном слове, но и во всех или в большинстве слов, удовлетворяющих определенным позиционным условиям; здесь правильнее говорить не о лексических, а о фонемных вариантах; им будет посвящен следующий параграф;

2) более или менее единичные варианты, также отражающие какие-то фонетические тенденции, которые, однако, затрагивают лишь ограниченное число форм.

Говорить о лексических вариантах можно лишь применительно ко второму случаю. Регулярно встречающихся вариантов такого рода в современном французском языке относительно немного, и, видимо, все они относятся к просторечию. Мы приведем лишь несколько примеров.

Под влиянием дистантной регрессивной диссимиляции такие слова, как *collidor* и *célébral*, иногда произносятся как *collidor* и *célébral* (ср. русские также просторечные формы: *коллидор*, *дилектор*, *секлетарь*). Регрессивная ассимиляция превращает *cinquième* в *cintième* (особенно часто в сочетании *cintième étage*). В некоторых словах, начинающихся с группы *s* + глухой согласный, появляется так называемый протетический гласный: *esquelette*, *esprituel* (в свое время именно такой процесс привел к превращению латинского *spiritus* во французское *esprit*). В сочетании [ks] + глухой согласный иногда наблюдается выпадение [k]: *espliquer*. В отдельных случаях имеет место стяжение дифтонга [wa]: *tutéyer* (< *tutoyer*).

При использовании таких просторечных форм в художественной литературе меняется и графический облик слова. Однако изменение графического облика слова не обязательно отражает изменение его звукового облика. В любом языке с жестко фиксированной орфографией, наряду с нормативными вариантами написания слов, в повседневной речевой практике (письменной, разумеется) всегда обнаруживаются ненормативные реализации, т. е., попросту говоря, орфографические ошибки.

Конечно, включение орфографических ошибок в стилистические ресурсы языка может показаться неожиданным; однако, если мы рассматриваем как стилистически маркированные (просторечные) такие реализации, как *collidor* или *cintième étage*, нет никаких оснований исключать из круга стилистических явлений и неправильные, т. е. ненормативные написания — они информируют адресата о субъекте речи не в меньшей степени, чем правильное произношение или употребление неправильной, ненормативной грамматической формы¹.

¹ К стилистически значимым ошибкам надо отнести и употребление слов не в том значении, которое они имеют в языке. В качестве примера можно привести отрывок из сочинения одного французского школьника о Наполеоне: *Il répugna (вместо répudia) don Joséphine et se remaria avec saint Hélène. Napoléon avait la possibilité de dicter plusieurs lettres à la fois: c'était un dictateur.*

Эта вариативность включает в себя широкий круг явлений, совокупность которых, по мысли Н. С. Трубецкого, должна составить объект особой дисциплины — фоностилистики¹. Для сколько-нибудь полного описания стилистических ресурсов французской фонетики потребовалась бы не одна книга.

Цель этого параграфа — дать самое общее представление о типах стилистически значимой вариативности на этом уровне языка.

Типы фонетической вариативности могут выделяться по двум различным основаниям: 1) по используемому материалу; 2) по характеру или функции. В зависимости от используемого материала выделяются два типа вариативности: 1) **вариативность звуковая**, или **сегментная**, которая затрагивает звуки речи; к ней относится стилистически значимый выбор тех или иных вариантов фонем, включая и нулевые варианты, т. е. выпадения звуков, а также звуковые соответствия между диалектами, т. е. такие случаи, когда какому-то определенному звуку в норме соответствует (в определенных позиционных условиях) какой-то другой звук в том или ином диалекте; 2) **вариативность суперсегментная**, затрагивающая такие характеристики речевой цепи, как интонация и ударение.

В зависимости от характера выделяется тоже два типа вариативности, о которых уже говорилось в общестилистическом плане (см. § 17): 1) **вариативность стратификационная**, т. е. такая, которая определяет различия между речью носителей разных диалектов, социальных и территориальных, а также между речью носителей диалектов и нормой; 2) **вариативность ситуативная** — такая, которая обнаруживается в речи одних и тех же людей в различных ситуациях общения.

И звуковая, и суперсегментная вариативность может быть как стратификационной, так и ситуативной. Таким образом, получается всего четыре основных типа. Приведем примеры каждого из них.

1. **Вариативность стратификационная**, затрагивающая **звуки речи**, характеризует как территориальные диалекты, так и просторечие. Хотя различия между территориальными диалектами в современном французском языке в значительной мере стерлись, некоторые области (Юг, Запад, Север, Восток) сохраняют определенные особенности в консонантизме и в вокализме². Так,

¹ Трубецкой Н. С. Основы фонологии. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960; см. также: Guiraud P. La stylistique. — P. 56-58.

² Об этом см.: Martinet A. La prononciation du français contemporain. — P.: E. Droz, 1945; Warnant L. Dialectes du français et français régionaux; Lerond A. Les parlers régionaux // Langue française. — 1973. — N. 18; Гордина М. В. Фонетика французского языка. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. — § 4.

например, на Севере в просторечии нормативному [s] часто соответствует [ʃ], а нормативному [ʃ] — [k]: [ʃjɛl] — ciel, [pjɛʃ] — pièce, [ka] — chat, [kɑbrɛ] — chambre. В Нормандии наблюдается отпадение конечных согласных: [pɛ] — père, а также закрытое произношение [ɛ]: [kabare] — cabaret, [kabine] — cabinet, причем последнее явление характерно и для городской речи. Рядом характерных особенностей отличается французский язык на Юге; среди них сохранение большинства [ə] после согласного в конце слова и наличие заднеязычной смычки при носовых гласных, причем сам гласный назализован слабо.

Общезападное просторечие характеризуется в первую очередь выпадением беглого э и некоторых других гласных в безударной позиции, а также некоторых согласных в конечной: tu as произносится как [ta], ils ont — как [izɔ̃] и т. п. Вообще просторечное произношение представляет собой как бы утрированную форму фамильярного. Как пишет американский социолингвист У. Лабов, «трудно однозначным образом истолковать данный сигнал сам по себе, например отличить небрежно говорящего комиссионера от тщательно говорящего водопроводчика»¹.

2. Вариативность стратификационная, затрагивающая суперсегментные характеристики речи. К ней относятся в первую очередь особенности интонации, свойственные региональным разновидностям национального языка. Во французском языке наиболее четко выделяется в этом отношении Юг. Южная интонация отличается большим диапазоном тонов, в силу чего она воспринимается как «напевная», «музыкальная».

- В качестве иллюстрации к этому и предыдущему пункту приведем один литературный пример. Конечно, художественная литература отражает региональные особенности произношения, как правило, условно, т. е. неточно и непоследовательно; но и такое отражение дает возможность понять, как носитель нормы (писатель) воспринимает такого рода отклонения. В приводимом ниже отрывке из романа Лану «Майор Ватрен» рассказывается о встрече солдата-северянина (уп «Chtimi», как их называют во Франции) с солдатом-южанином из Французской Каталонии.

Un de mes gars, aimable, Poivre, dit gentiment à un Catalan: «D'où t'ch'est qu't'es, ti? — Hé, qu'est-ceu que tu me raconn'teu? chante l'autre.— Mi, j'to dis, d'où d'ch'est qu'tê? — Oh, putaing, je neu comprin rien de rieng!» Et ils se regardaient de travers [...]. Alors, j'interviens: «Il te demande d'où tu es? — Oh, moi, putaing, je suis de Cerbère! [...]». Et mes Chtimis sont restés figés devant ce miracle, leur lieutenant parlant avec ces gitans olivâtres, les entendant et se faisant entendre d'eux! [...]

Le plus drôle [...], c'est bien Poivre. Il avait l'air

¹ Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике.— М., Прогресс, 1975.— Вып. 7.— С. 153.

à la fois stupéfait, décontenancé et agressif. Il s'approche de moi et me confie: «Mi, j'sauros jamais rien comprendre ed leur parler! l'pourro p't'être pas apprendre el français, ches gars-là!».

3. Ситуативная звуковая вариативность. Этот тип представлен в первую очередь оппозицией между фамильярно-разговорным стилем произношения со всеми характерными для него модификациями звуков и «полным» стилем, который в свою очередь подразделяется на «тщательный разговорный стиль или стиль чтения вслух (le débit de la conversation soignée et de la lecture)» и «стиль публичной речи (le débit de la conférence ou du discours)»¹. Особенности фамильярно-разговорного стиля произношения описываются во всех руководствах по французской фонетике, к которым мы и отсылаем читателя².

Другое явление, относящееся к этому типу вариативности,— это изменение длительности, интенсивности и высоты тона звука при выделительном ударении, логическом и эмфатическом. Это явление также хорошо известно и многократно описано³.

4. Ситуативная суперсегментная вариативность. В этом типе вариативности главное — это противопоставление аффективной интонации неаффективной. Однако сама аффективная интонация может быть бесконечно разнообразной. «Эмоциональную окраску благодаря интонации может иметь любое предложение; в ее создании участвуют все интонационные средства: мелодика, интенсивность, тембр голоса, особые характеристики отдельных звуков. Различное сочетание этих интонационных средств и их взаимодействие с лексикой и синтаксической структурой предложения создает неисчерпаемое многообразие эмоциональных оттенков речи. Исследование этой стороны языка едва начато»⁴.

Очень большое значение экспрессивной интонации придавал Балли. Он, в частности, высказывал мысль, что «особенно сильная или особенно характерная интонация является признаком преобладания аффективного начала в самой мысли»⁵. Из этого следует, что сводить аффективную интонацию к интонации так называемого восклицательного предложения было бы неверно: всякую подчеркнутую интонацию, даже если она служит так называемому логическому выделению или, точнее, противопоставлению темы и ремы высказывания, надо рассматривать как при-

¹ Гордина М. В. Цит. соч.— С. 11.

² См., в частности: Шерба Л. В. Фонетика французского языка.— М.: Высш. школа, 1963.— 7-е изд.— Гл. VII; Гордина М. В. Цит. соч.— § 6, 7; Шигаревская Н. А. Некоторые фонетические особенности разговорного стиля речи современного французского языка // Уч. зап. Ленингр. ун-та, 1961.— № 299, филол. науки, вып. 59; Léon P. R. Aspects phonostylistiques des niveaux de langue // Le Français dans le monde.— P., 1968.— N. 57.

³ Кроме книг Л. В. Шербы, Н. А. Шигаревской (Traité de phonétique...) и М. В. Гординой, см.: Marouzeau J. Accent d'insistance affectif et intellectuel // Le Français moderne.— P., 1934.— Т. II, f. 2.

⁴ Гордина М. В. Цит. соч.— С. 195.

⁵ См.: Балли Ш. Французская стилистика.— С. 315.

знак личностного эмоционального отношения субъекта к предмету речи и (или) адресату. К этому вопросу мы еще вернемся в главе VI.

Говоря об аффективной интонации, необходимо также подчеркнуть, что она является непреходящим функциональным элементом некоторых специфически аффективных синтаксических конструкций. Как писал Балли, роль интонации в разговорном синтаксисе настолько велика, что некоторые фразы становятся просто непонятными, если их произнести не так, как этого требует мысль¹. Это относится, в частности, к сегментированным предложениям (см. выше, § 74), которые характеризуются специфическим интонационным рисунком².

§ 85. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Этот беглый и далеко не полный обзор возможностей выбора, которые предоставляет говорящему или пишущему французский язык, показывает, что возможности эти значительно шире, чем мы иногда думаем: стилистические ресурсы языка — это отнюдь не только лексическая синонимия. Это и синонимия типовых словосочетаний различного статуса и различной степени сложности — таких, например, как выражения с антонимами и конверсивами, конструкции с глаголами и глагольно-именными сочетаниями, первичные и производные структуры и т. п.; это и вариативность на уровне поверхностного синтаксиса, равно как и морфологические и фонетические варианты.

Но этот обзор показывает и то, что набор потенциальных стилистических значений единиц языка достаточно ограничен, по крайней мере в первом приближении, и что единицы разных уровней, разной степени сложности обладают если не одними и теми же, то, во всяком случае, сопоставимыми стилистическими значениями: и слова, и типовые конструкции, и варианты словоупотребления, и морфологические варианты, и особенности произношения могут быть охарактеризованы хотя бы по двум из трех базовых стилистических измерений: как эмоциональные или неэмоциональные, нормативные или ненормативные, спонтанные или неспонтанные. Это позволяет поставить вопрос о том, как эти первичные, базовые стилистические значения выражаются в языке.

¹ См.: Балли Ш. Французская стилистика.— С. 357; см также: Bally Ch. Intonation et syntaxe // Cahiers F. de Saussure, 1942.— I. 1.

² См.: Pinaeva V. Aperçu de l'intonation française.— М.: Ecole supérieure, 1965.— P. 42, 70-74.

Глава VI

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ В РЕЧИ И В ЯЗЫКЕ

А. Общие свойства эмоциональной речи и эмоциональный синтаксис

§ 86. ЗАДАЧИ ЭТОЙ ГЛАВЫ

В главе III мы установили, что эмоциональная окраска (эмоциональность — неэмоциональность) является одним из трех основных компонентов стилистического значения. Задача этой главы состоит в том, чтобы выявить те языковые единицы (главным образом, синтаксические конструкции и единицы словаря), которые могут рассматриваться как отмеченные печатью эмоциональности на уровне языка, а также такие средства выражения, которые, не обладая соответствующим стилистическим значением в языке, тем не менее типичны для эмоциональной речи, т. е. достаточно часто несут эмоциональность в контексте.

И то, и другое естественно изучать на материале эмоциональной речи. Собственно говоря, описание важнейших закономерностей эмоциональной речи и должно иметь конечным результатом выявление основных единиц эмоционального языка.

Мы начнем с общих закономерностей эмоциональной речи, затем рассмотрим более конкретно аффективный синтаксис и, наконец, коснемся аффективного словаря и аффективных словоупотреблений. Однако прежде всего необходимо подвести под наше рассуждение психологическую базу — определить хотя бы в самой общей форме, что такое эмоции.

§ 87. ОБ ЭМОЦИЯХ

В психологии и нейрофизиологии существуют различные теории и различные определения эмоций. Нам нет необходимости входить в существо споров, которые ведутся на эту тему, достаточно будет кратко резюмировать положения, более или менее устоявшиеся в советской науке.

А. Н. Леонтьев определяет эмоции как психические состояния, выражающие «оценочное личностное отношение к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и своим проявлениям в них»¹. «Основной исходный момент, опре-

¹ Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции.— М.: Изд-во МГУ, 1971.— С. 37.